

Милютин Александр

www.milutyn.com

al-mile@yandex.ru

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ЗА ПОВОРОТОМ

Фантастическая повесть

Вынужден предупредить – многие детали исторического плана в данном тексте могут не являться абсолютно достоверными (как, к примеру, тот факт, что «Гархун» стоил на 5 копеек дороже «Дюшеса»). Один раз я заведомо пошел на ложь – книжка, попавшая в руки к пацанам – чистой воды выдумка. Роман «Знаки Дороги» в 1985 уже существовал, но на русском языке был издан только в начале 90-х. Да и «Почти как люди» К.Саймака можно было разыскать лишь в одном месте – легендарном 25-томнике современной фантастики. Однако, в остальном я очень старался воссоздать правильную атмосферу того времени, трепетно хранимую в моих (а стало быть, и главного героя) воспоминаниях. Надеюсь, хотя бы частично мне это удалось.

Данный текст не появился бы на свет без миров великого кристалла В.Крапивина, чьи главные герои, конечно же, дети; и двух моих любимых произведений – вы вычислите их без труда, начиная уже с эпиграфа.

Песня «Sympathy», текст которой я использовал, в моей фонотеке числится за исполнителем по имени Rave Bird. Принадлежит ли ему авторство строк про нехватку любви, мне не известно.

Вот, пожалуй, и все. Теперь – езжайте! Только сразу определитесь, хотите ли вы исчезнуть за поворотом.

- Ты все еще не ответила на мой вопрос, – сказал он. – Что случилось? Где мы находимся и куда едем?

- Мы на Дороге, – услышался ответ. – Она пересекает время – прошлое, грядущее – время, которое могло бы быть или которое, возможно, будет. Она бесконечна, насколько мне известно, и ни один человек не знает всех ее поворотов.

Р. Железны «Знаки дороги»

- Сегодня по пути я заметила пару ответвлений, на которые не обращала внимания раньше. Думаю, они помогли бы сократить мне путь еще на пару миль.

С. Кинг «Короткий путь миссис Тодд»

Вот уже больше двадцати пяти лет минуло с тех пор, как все случилось. Слишком большой срок, чтобы помнить все мелочи той истории. Ой, да и сколько нам тогда было! Зеленые пацаны, еще играющие в казаки-разбойники и дергающие девчонок за косички. Но дело не только в годах. Когда я сейчас оглядываюсь назад, мне кажется, что нечто неведомое как следует постаралось, чтобы я почти не вспоминал происшедшее между мартом и сентябрем 1985-го. Все

это было покрыто толстым слоем пыли на чердаке моего мозга. Иногда шевеление пылинки сообщало, что там что-то есть, но трогать это мне вовсе не хотелось. Ибо это к тому же было больно.

Но сегодня я все-таки постараюсь все вспомнить. Мне это очень нужно.

Это было переломное в жизни страны время. Апрельский пленум ЦК КПСС, новый политический и экономический курс... Страна жила новыми веяниями. Люди осторожно пробовали на вкус слова «перестройка», «гласность», «плюрализм», «ускорение». В тот год родилась шутка про то, как расшифровывается фамилия нового генсека, очень точная, надо сказать, шутка. «Горбачев-Отменит-Решения-Брежнева-Андропова-Черненко-Если-Выживет». До настоящих изменений было еще далеко, но ветер перемен уже надувал паруса хилым, но самонадеянным корабликам партийных деятелей.

Нам, однако, не было дела до всей этой кутерьмы. Отчасти потому, что мы были слишком молоды, чтобы придавать значение политике, а отчасти оттого, что мы стали свидетелями дел еще более увлекательных и самое главное невероятных.

Как раз про них я и хочу рассказать.

Весной 85-го нам было по одиннадцать лет, почти двенадцать. Мне и Костику. Мы учились в одном классе и были неразлучными друзьями. Возможно, это иллюзия, необъективный взгляд сквозь толщу прожитого, но мне все-таки кажется, что это было прекрасное время. Двенадцать лет – тот самый возраст, который хочется остановить, поставив на паузу. Жить и не взрослеть. Гонять на велосипеде и играть в футбол в компании сверстников, придумывать спичкострелы и брызгалки, собирать модельки самолетов и открытки кораблей, зачитываться книгами о покорении подводных глубин и засматриваться фильмами про смелых разведчиков. Быть центром мироздания и счастливой его пылинкой, не знающей бед больших, чем двойка по литературе за невыученный стих или запрет на воскресный поход в парк аттракционов. Не думать о том, что начало месяца означает приход счетов, что нужно где-то брать деньги на лекарства для заболевшего ребенка, делать ненавистный ремонт, выносить разносы шефа и постоянно чувствовать эту дурацкую ответственность за что-то.

Остановив время на двенадцати годах, получить преимущество еще и в отсутствии сексуальных проблем, начиная с поллюций и преждевременной эякуляции и заканчивая страхом приближающейся импотенции. Да и просто не забивать себе голову такой сложной и малопонятной штукой, как любовь.

Возможно, у кого-то другие взгляды на идеальный возраст, но для меня мои двенадцать всегда будут оставаться эталоном счастливого времени. Хотя, если разобраться получше, то и самого странного, и самого печального. И виной тому, конечно, Костян с его открытием.

Белчевск наш был небольшим провинциальным городком, население которого составляло сто с небольшим тысяч жителей. С севера к городской зоне примыкал одноименный электромеханический завод, выпускавший какую-то начинку к тепловозам и тракторам, восточные окраины украшали теплицы совхоза «Красный пролетарий». На юге не было ничего примечательного, кроме крохотной речушки, а на западе к городу подступал старый поредевший лес, видимый даже с верхних этажей окраинных домов. Именно в тех западных краях мы и жили. Я не могу охарактеризовать нашу жизнь как-то по-особенному. Нас пытались чему-то учить в школе и дома, мы по-своему постигали мир через территории дворов. Бродили привычными маршрутами, участвовали в детских авантюрах и пионерских делах. Были горести и радости, взлеты и падения – все как везде, все как у всех.

А потом все изменилось. По крайней мере, для двух человек.

Это случилось на второй или третий день весенних каникул. Наслаждаясь тем, что никуда не надо вставать, я, проснувшись, включил телевизор и, вернувшись в кровать, стал смотреть что-то детективное. Возможно, «Принца Флоризеля», или «Шерлока Холмса» – раньше снимали хорошее кино, а быть может, это мы в детстве смотрели на все через какую-то свою призму взглядов, смотрели с широко раскрытыми глазами, еще ничем толком не насытившись – ни музыкой, ни фильмами, ни самой жизнью.

В общем, телефонный звонок, как это обычно бывает, раздался на самом интересном месте. Чертыхнувшись, я побрел в прихожую. В том, кто звонит, у меня не было сомнений. Мы

не виделись с Костяном с самого начала каникул. Он был занят чем-то важным. И вот теперь, видимо, решил взять реванш.

– Лешка, привет! – его голос в трубке бодро звучал сквозь помехи, – Слушай, тут творятся такие дела! Что-то обалденное! Срочно приходи.

Разумеется, я ничего не понял, кроме того, что мой друг желает вытащить меня из уютного тепла квартиры на продрогшую сырую улицу.

– Что творится? Объясни толком.

– У нас в районе появились необычные машины. Вроде иностранные и они пропадают, – он замолчал и заговорщицким тоном добавил, – Вообще, это не телефонный разговор. Приходи.

– Откуда ты звонишь?

– Из автомата возле нашей школы. Давай, ноги в руки и дуй ко мне!

– Возле школы? – я ничего не понимал.

– Да. Это не важно. Я тебя жду.

– Но я фильм хотел досмотреть...

– К черту фильм! Я тебе тако-ое живьем покажу!

Я бросил скорбный взгляд за окно в серое пасмурное утро и... смирился.

– Ладно, – сказал я в трубку, думая про то, что у Костяна надо хотя бы выторговать время на завтрак, – так, где ты там будешь меня ждать?

Выходить на улицу совсем не хотелось. Из своего окна я видел, как разгулявшийся ветер гнет ветви деревьев, и большие сизые тучи бегут по небу.

Но, когда я, облачившись в тяжелые ботинки и куртку с капюшоном, вышел из дома, мое пессимистическое настроение слегка изменилось. На улице здорово пахло весной. Совсем недавно растаял последний снег, было очень сыро, и с неба периодически срывались залпы какой-то настырной водяной пыли, но воздух был свеж и приятен. Ветер был уже не такой холодный, как раньше. На миг захотелось подставить ему лицо и ловить ртом дождевые капли, пьянея от приближения весны. Но вместо этого я завязал шнурок на капюшоне и отправился к Косте.

Школа наша находилась на пересечении двух окраинных улиц, рядом с небольшим стадионом и старым парком. Думая о том, как же глупо я смотрюсь, шагая этой дорогой во время каникул, я прошествовал мимо школьного забора, за которым угадывалась наша спортплощадка, и свернул на раскисшую тропинку. Тут меня подждал Костян.

– Костя, блин, что за фигня! – напал я на него, едва мы встретились. Не то, чтобы я по-настоящему на него злился, но для порядка стоило немного наехать за то, что он вытащил меня в эту грязь и ничего толком не объяснил.

– Леха, я три дня ждал, прежде чем тебе это рассказать. Ну... страховался, чтобы ты мне поверил и на смех не поднял. А сегодня решил, что пора!

Я посмотрел в его ясные голубые глаза, абсолютно серьезные, и желание нападать сразу куда-то исчезло. Мы зашагали по жухлой траве параллельно раскисшей тропинке.

– Ладно, – сказал я. – Давай все по порядку.

И Костян начал рассказывать. Начал он с того, как в очередной раз поругался с отчимом. В принципе, я был в курсе их отношений. Это был рок моего друга. Родной отец у него погиб давным-давно, он был еще совсем маленьким. Так как, по мнению матери Кости, у ребенка обязательно должен был быть отец, она нашла на его роль грубого краснолицего дядю Витю, которого Костян обязан был называть папой. Выбор ее, как вскоре выяснилось, был не очень удачен. Дядя Витя работал на стройке не то сварщиком, не то монтажником. Он нередко приходил с работы пьяным и пытался воспитывать нерадивого пасынка. Порой, надо признать, по делу – Костян по жизни забивал на учебу – но чаще всего просто так.

Иногда дело не заканчивалось только словесными перепалками, и отчим тянулся к ремню или иному тяжелому предмету. Или просто довольствовался мозолистыми массивными кулаками. На мать он тоже время от времени покрикивал, но и только. Костян же, бывало, по нескольку дней залечивал синяки. Попытки матери как-то повлиять на ситуацию были настолько ничтожны, что в своих конфликтах Костян просто не принимал ее в расчет. Более того, за то, что она стала жить с этим человеком, он тихо ненавидел ее. Иногда мне хотелось убедить друга в том, что мать, несмотря ни на что, его любит, но я боялся серьезным образом заговаривать про

его семейные дела. Это сейчас я, умудренный некоторой долей жизненного опыта, и уже по-иному смотрящий на вещи, смог бы, наверное, толково про это сказать, а тогда... Тогда я боялся, что Костян упрекнет меня в том, что у меня-то есть отец и что вообще с родителями у меня нормальные отношения. На самом деле, и у меня в семье не все было гладко (а лет в четырнадцать-пятнадцать нас вообще накрыл кризис переходного возраста), но с обстановкой у Костяна, конечно, было не сравнить.

Приход папы Вити «навеселе», как правило, означал нехилую перебранку. Поэтому едва в доме начинало пахнуть грозой, Костян старался дать деру на улицу. И в тот день, с которого все началось, было так же.

– В общем, свалил я из дома, – рассказывал Костя, – И забрел на холмы около этого... Федюхинского шоссе...

– Туда мы и идем? – перебил я его.

– Ага, – кивнул в ответ Костян. – Так вот, походил я по-над дорогой, там еще снег не весь растаял и грязи до фига, кстати, было, сейчас вот немного подсохло уже. Короче, смотрю, машина по дороге едет. Клевая! Никогда в жизни такой не видел. Цвет у нее был вообще неопиcуемый: не то вишневый, не то бордовый, и будто изнутри подсвеченный. Фары огромные, как бы в капот утоплены. Вся она низкая такая. И дверей только две, представляешь?!

– Ну и что? В «Запорожце» тоже две двери, – сказал я скептически. Не то, что я не верил Костяну, скорей наоборот. Ну, проехала иностранная машина. Да, красивая. Да, необычная. Ну и что с того?! Но, оказалось, я все-таки был не прав.

– Ну, ты сказал! В «Запорожце»! Сравнил тоже! Ты бы еще инвалидку вспомнил, у нее тоже две двери. Не, там такой аппаратище! Там такой мотор, наверно, стоит! – Костян задумчиво покачал головой, потом опомнился, – Блин, да не в этом, собственно, дело. Понимаешь, она исчезла после поворота!

– Что значит «исчезла»?

– А то и значит. Провожая я ее взглядом, исчезает она за поворотом, а там холм, деревья, изгиб дороги и потом снова открытое место. Сейчас придем, я все тебе покажу. Сориентируемся, как говорится, на местности. Вот. Жду я эту тачку, значит, последний раз глянуть, глаз не свожу с этого просвета. Нет ее. Минута, две, пять, десять...

– Так тормознул водила, наверное, или съехал куда-нибудь, – не выдержал я.

– Я тоже так подумал. Но через полчаса еще одна похожая штучка появилась, синяя. Тоже формы обтекаемые, фары – как капли. И тоже самое: за поворот – и все!

– Ну?

– Что, ну? Пошел я посмотреть. Пониже к дороге спустился и прогулялся вперед. Не было ни машин этих, ни поворотов других никаких. Даже съездов в кусты – и тех там нет!

– Уверен?

– Да уверен, уверен! На следующий день, я там километра три по обочине вышагивал. Вернулся на холм, а через двадцать минут – едет. Правда, уже в другую сторону. Сначала мне показалась, что это вчерашняя синяя. Пригляделся – ни фига! У синей колеса были обычные, а у этой широкие, как у трактора. И вдоль борта полоса разноцветная. И что же ты думаешь?! И эта тачка за поворот сворачивает, только уже с другой стороны и тоже пропадает! Я вижу, как она мелькает среди деревьев, потом пара поворотов – и ее нет. Я вообще, блин, офонарел!

– И в том направлении ходил? – догадался я.

– Да. То же самое. Дорога одна, спрятаться негде, отвечаю.

Я догадался кое о чем еще:

– И сколько машин необычных было?

Костян хитро посмотрел на меня.

– Восемь за три дня и девятая сегодня. После нее тебе и позвонил. И ни одной одинаковой. И все словно не отсюда, зализанные какие-то, яркие, ну... не знаю, как и сказать.

– Может, кино у нас снимают, – предположил я, вспоминая утренний телевизор. – Фильм фантастический...

– Да ну, об этом бы тогда вся округа знала.

Я немного подумал и спросил:

– А нормальные автомобили там ездили вообще?

– Конечно. Самые обычные. «Газики», «Жульки», «Москвичи». Трактор был. «КАМАЗ». Шоссе в принципе заброшенное, но машин девять-десять в час ходит.

– Ты считал!?

– Ага. Три дня уже там. Сегодня четвертый. И что интересно, я полдня у самой дороги сидел, думал вблизи на эти штучки полюбоваться – никого. А вот собрался уже уходить, на холм поднялся – появляются иномарки.

– Ты думаешь, это иномарки?

– По-любому! Такие тачки только за границей делают.

– А может наши самодельные? Ты передачу «Это Вы Можете» видел? Там показывают таких умельцев. Слушай! – меня посетила одна из тех мыслей, что легко залетают в еще глупую и наивную юную голову, – А может это автопробег самодельных машин? И проходит он через наш Белчевск!

Трезвомыслящий Костян разбил мою версию в пух и прах:

– Да не! Про автопробег и в газетах писали бы, и люди бы знали. Да, Лешка, когда ты увидишь это, сразу поймешь, что в гараже, и даже в автомастерской такое чудо не сделать.

– А я увижу?

– Надеюсь.

Мы миновали небольшой овражек и вышли на холмистую возвышенность, с которой открывалась подернутая туманной дымкой панорама окрестностей. Справа виднелись старые, еще довоенные дома одного из районов, названного в народе Бессоновкой. В той же стороне, у самого горизонта, возвышалась стрела телевышки. Левее и впереди все признаки города терялись в темных узорах лесополосы, через которую немного сбоку была проложена высоковольтная линия электропередач. А внизу, у подножия холмов, тянулась извилистая лента Федюхинского шоссе, в эту минуту совершенно пустого.

– Вот, смотри, – сказал Костян, – На этой дороге только один более-менее прямой участок – перед нами. И все они здесь проезжали. Вон там, слева, – он показал рукой, – шоссе ныряет за скалу, поворачивает. Потом деревья, и снова открытое место, видишь? Хоть и далеко, но все как на ладони. И с другой стороны то же самое. Там холм, лес, снова лес и насыпь какая-то. И возле этой насыпи свободное пространство.

Словно в подтверждение его слов из лесу появился грязно-синий «Москвич»-фургончик, миновал полосатые столбики, ограждающие насыпь и через миг скользнул под прикрытие леса. Я вопросительно посмотрел на Костяна.

– Да, не, это почта из деревни. Он здесь часто ездит. Ничего таинственного.

И вправду, минуты через три почтовик появился из-за поворота. С высоты холма я разглядел нарисованный на двери герб и конверт. Вдоль борта автомобиля тянулась белая полоса.

– Давай-ка мы поудобнее место найдем, – предложил Костян, когда «Москвич» уехал и шоссе вновь опустело. – Нам долго, видно, ждать.

Оставив приведшую нас тропинку далеко в стороне, мы спустились поближе к дороге к небольшому нагромождению камней возле каких-то приземистых кустов. Костян выудил из кустов припрятанную дощечку. Вопреки моим предположениям она не была промокшей. Усевшись плотнее друг к другу, мы принялись ждать.

А ждать пришлось долго. Вся эта история была густо замешана на ожидании. Мы уподоблялись охотникам, долго и терпеливо выслеживающим дичь. Наверное, то, что меня абсолютно не пугает теперь продолжительное стояние в очереди – отголосок или заслуга именно того времени, когда мы по полдня ждали загадочные авто на Федюхинском шоссе. Но такое адское терпение появилось не сразу. В первый день ожидание далось очень тяжело. Если бы не Костян, глаза которого светились, когда он рассказывал мне про машины, я бы давно ушел. Около часа дня я начал ныть, что хочу есть, и мой друг поделился со мной припасенным бубликом. Мы пялились на каждое авто, ползущее по дороге, но всякий раз это было не то.

Около трех, отчаянно замерзнув и проголодавшись, я решил, что с меня хватит. Мыслимое ли дело: провести целый день и без того самых коротких каникул на пустом холме рядом с какой-то дорогой! Не успел я в очередной раз пожалеть себя за то, что поддался на уговоры Костяна, это произошло. Я увидел *его*.

Автомобиль нестерпимо красного цвета волшебной обтекаемой формы с большими серебристыми колесами появился из-за поворота.

Он пронесся, яркий и совершенно чистый, будто не было вокруг промозглой мартовской погоды, морозящего дождя, луж на асфальте. Я стоял, разинув рот, и мне казалось, я смотрю какой-то заграничный фильм, потому что *такой* машине однозначно было не место на старом шоссе провинциального городишки. Это был крейсер, предназначение которого – перемалывать простор далеких автострад.

Машина уехала. Костян вернул меня к реальности легким толчком в бок и указал на просвет между деревьев, откуда она должна была выскочить по всем законам логики. Разумеется, там ничего не появилось. Куда пропало красное авто оставалось загадкой.

На следующий день мы снова пришли к шоссе. На этот раз я оделся потеплее, взял с собой бутерброды и старый маленький термос с чаем, который мы, впрочем, выпили почти сразу, пока он еще не остыл. Было все так же пасмурно, лишь ветер сменился на южак, предвещающая скорое потепление.

Первая необычная машина появилась в половине одиннадцатого. Вначале я принял ее за привычную «Волгу» черного цвета, но потом понял, что это вовсе не «Волга». Автомобиль был шире и длиннее, и утробный рев чужого двигателя не шел ни в какое сравнение с расслабленным клеканьем мотора Горьковского автозавода.

После нее был маленький, почти игрушечный, автомобильчик неприметного серого цвета с зажженными голубыми габаритными огнями и неведомое, совсем невероятное нечто зализанной обтекаемой формы размером с «РАФ». Через десять лет я причислил бы этого монстра к категории минивэнов, но тогда гибрид легковушки и микроавтобуса просто не укладывался в голове.

Следующий день нас порадовал большим угловатым джипом с необычайно удивившей нас хромированной трубчатой рамой, закрепленной перед решеткой радиатора, и настоящей гоночной машиной, с номером «27» на боку и обилием разномастных надписей на иностранном языке. Рев мотора этой тачки привел нас в экстаз, а сноп искр, вылетевший из выхлопной трубы, когда гонщик вошел в последний вираж, вообще оставил стоять с раскрытыми ртами.

Еще был ярко-зеленый седан с зеркально-тонированными стеклами и – представить только! – люком в крыше, несуразная конструкция, напоминающая спортивные багги (виденные мной в журнале «Моделист-конструктор»), у которой передние колеса в диаметре были меньше задних и широколобый многофарный монстр, ветровое стекло которого чистил один, но громадный «дворник».

Наблюдательный пункт, облюбованный нами, находился метрах в восьмидесяти от дороги, поэтому разглядеть все детали проезжающих машин было невозможно, но даже того, что мы видели, нам хватало с лихвой. Это было невероятно, невозможно! Но это было.

Каникулы пролетели молниеносно. Эти несколько дней мы просто прожили у дороги, с самого начала договорившись никого не посвящать в нашу тайну. Мы ждали, вглядываясь в каждую появляющуюся из-за поворота машину. Словно помешанные, мы выискивали в железных конях чужеродные признаки, и когда это вдруг удавалось, нашему счастью не было предела. Вытаращенные глаза, азартные «смотри-смотри» тычки в бок, отвисшие челюсти и бешенный пульс – через все это мы прошли.

Вообще, если быть точным, поначалу было только это – детский восторг, ощущение сна, трепет от прикосновения к неведомому, иногда мелкий игрушечный страх от возможности быть кем-то обнаруженным. Потом...

Потом мы начали задавать себе вопросы.

– Слушай, Леха, ты как думаешь, что все это значит?

Мы только что проводили аккуратную белую малолитражку с двумя не по росту высокими антеннами, на крыше и заднем крыле. Она была весьма невыразительной и я даже сомневался, что она *из тех*. Но на контрольном участке, как мы его стали называть, не появилась.

– Иностранцы шпионы?

Понимаю, как глупо звучат сейчас эти слова. Но они были произнесены мальчишкой двенадцати лет от роду, в чью голову долго вбивали понятия преданности к Родине и

выполнения гражданского, патриотического и прочего рода долгов, в год, когда эта самая Родина только-только начала вылезать из болота холодной войны на тропу сокращения вооружений. Впрочем, для моего друга они и тогда показались нелепыми.

– Шпионы? Слишком много, – Костян усмехнулся, – тебе не кажется?

– Их не обязательно много. Несколько человек. Просто они меняют тачки как в кино.

– А зачем?

– Ну-у... – на этот вопрос у меня не было готового ответа и я ляпнул первое, что пришло на ум. – Может быть, они изучают базирование здесь баллистических ракет?

– Лешка, нигде в округе нет ракетных баз!

– А может и есть, откуда ты знаешь? Такие вещи – это ж государственная тайна!

– Ну а машины тогда причем?

– Машины? – я понял, что Костян подловил меня. Действительно, шпионы ведь на то и шпионы, чтобы ничем не выделяться из общей массы. А авто были одна выпендреннее другой. Мне нечего было возразить другу на это. – Ну, а что тогда может быть?

Костян внимательно глянул на меня и подмигнул.

– Я думаю, – сказал он, – они из будущего.

Теперь пришел мой черед улыбаться.

– Ты что, серьезно?!

Костян в ответ пожал плечами.

– Ну, а что? Ты видел когда-нибудь такие машины у нас, хотя бы по телеку?

Я задумался. За спиной у иностранных корреспондентов или в некоторых фильмах иногда можно было увидеть то, на чем ездят в других странах, но железный занавес был в то время еще очень прочен. Это позже появились красочные календари, начали плодиться автожурналы, а такую вещь, как видеофильмы назовут «прорывом массового сознания». В 85-м обходились без этого.

– Не, ну согласишься, некоторые тачки выглядят просто заграничными машинами...

– Только не та красная тачка, которую ты увидел первой, не тот низкий аппарат, с которого все началось для меня! Не та черная «божья коровка» – смесь легковушки и маленького автобуса!

– Ладно-ладно! Остынь. Лучше скажи, что, по-твоему, они здесь делают?

– Не знаю. Изучают нас, может быть.

– А, по-моему, до нас им нет никакого дела, тебе не кажется?

– Фиг его знает, – Костян задумчиво почесал затылок, – еще понаблюдать надо.

И мы наблюдали. Собирая факты и строя фантастические версии. Даже в школе, даже дома, мы постоянно мысленно оставались у Дороги.

Кстати о Дороге. Нужно немного рассказать и о ней. Начать с того, что она была весьма старой. Пожилой школьный сторож, с которым мы как-то завели «краеведческий» разговор, рассказал, что построена она была в начале века, еще до революции, и являлась одним из двух путей, ведущих в Федюхино – маленькую деревеньку совсем рядом с Белчевском, единственной достопримечательностью которой была не раз отмеченная наградами за перевыполнение плана птицеферма. В конце 60-х Белчевск с Федюхино соединила современная широкая трасса, проходящая километров на пять южнее, и про старое шоссе забыли. Им продолжали пользоваться владельцы приусадебных участков в окрестностях Сырой балки, рабочие автотракторных мастерских, для которых этот путь был короче, да местные жители по известным им одним причинам. Ну и называть шоссе Федюхинсим, естественно, не перестали.

В 81-м в Сырой балке решили строить то ли овощные склады, то ли какой-то плодощервный заводик, но балка – это старикан поведаль с неприкрытым ехидством – целиком оправдала свое название. Грунтовые воды подходят там к самой поверхности, да и со всех окрестностей после дождя вода стекается в низину. Потому там так и зелено, и скотину туда пастись гоняют. В общем, непонятно, на что рассчитывали проектировщики (видать все делалось по указке «сверху»), но не прошло и месяца, как строительство пришлось свернуть. Напоминать о местной глупости остался заполненный водой котлован, который со временем превратился в маленький пруд, да раздолбанный тракторами асфальт, залатать который руки дошли только через год.

Пруд мы знали. Прошлым летом мы гоняли туда на великах. Часть нашего пути как раз пролежала по Федюхинскому шоссе, но никаких эффектных машин на этом маршруте ни я, ни Костян не помнили. Зато в памяти жив был еще тот разнос, устроенный моими родителями за то, что я уехал так далеко, пропустил обед, и вообще, «не придумали ли мы купаться в этом болоте?!». В «этом болоте», грязном и, по словам пацанов, заполненном большущими пиявками, мы не купались. Детям тоже присущ здравый смысл. Иногда.

Шли дни. Весна вступала в свои права яркими красками и голосами повеселевших птиц. В воздухе носился неуловимый аромат цветов и бесшабашной радости. Учиться не хотелось совершенно, и мы, ставя рекорды по количеству прогулов, все чаще убегали с Костяном к нашей Дороге.

Загадочные машины продолжали ездить. Количество их не увеличилось и все так же непредсказуемо колебалось от полного нуля до трех-четырёх машин в день, зато число машин местных возросло весьма значительно, в большинстве своем за счет активизировавшихся дачников. Находить самородки среди глины стало сложнее, но мы находили.

Чаще всего мы сидели в том самом месте, что и в самый первый день. Камни вполне успешно заменяли нам сиденья, а заметно погустевшие кусты давали неплохую маскировку. И хотя порой нам хотелось оказаться поближе к нашим колесным пришельцам, чтобы разглядеть их во всей красе, мы старались не рисковать – мысли про возможную опасность тоже иногда забредали в наши детские мозги. Время от времени мы, правда, совершали небольшие путешествия вдоль дороги, но разгадать тайну исчезновений загадочных машин было невозможно.

В преддверии Дня Космонавтики Костян разродился версией, что это инопланетяне, потом это предположение как-то плавно перетекло в пришельцев из параллельных миров – мой друг отличался, что называется, неординарным мышлением. Мне придется отвлечься и рассказать, что мой друг очень любил читать. Он без всяких комплексов ходил в библиотеку, что, в общем-то, тогда среди обычных школьников было не модно. Брал он там, правда, совсем не книги по школьной программе, а приключенческие романы, фантастику, истории про рыцарей и пиратов, иногда небольшие научно-популярные брошюры в стиле «Атлантиды пяти океанов» или «Аварии под водой». Такая любовь к чтению никак не сочеталась у него со слабенькими тройками по литературе, но разве сочинения по классикам или зазубренный стих являются показателем способности человека мыслить, фантазировать и мечтать? По-моему, нет.

Весенние травы колыхались от ветра. Зеленый ковер с проблесками белых и желтых полевых цветов раскинулся по холмам. Мы сидели на траве в стороне от нашего наблюдательного поста, запрокинув головы в голубое апрельское небо. Солнце одаривало нас мягким лучистым светом. Носились над холмами стрижи. Было тепло и привольно, и каждой отдыхающей от холодов клеточкой чувствовалась Весна. Весна, от которой уже и до лета рукой подать.

– Слышал, – я сорвал длинную травинку и сунул ее в рот, – говорят, у нас теперь в стране все менять будут? Эти... как их... реформы!

– Кто говорит? – спросил Костян, не прерывая созерцание далей.

– Ну... люди. Дядя Миша, например. Папа мой тоже. Он новости по телевизору смотрит – не оторвешь. Там пленум сейчас и на нем Горбачев с речью выступал. Про перестройку говорил.

Костян безразлично пожал плечами. Мне было не совсем понятно его безразличие к тому, что происходит в мире, но потом, спустя годы, пройдя сквозь ежедневные отчеты о гиперинфляции, новости про экономический кризис и обвал доллара, испытав на своей шкуре безработицу и действие финансовых пирамид, я и сам стал таким же – почти полностью безразличным к политике и иже с нею. Зачем интересоваться принимаемыми законами, которые принесут пользу лишь сильным мира сего, зачем смотреть на бесконечный ряд катастроф по телевизору или на бесполезную мышиную возню дипломатов, не способных в некоторых точках земного шара установить мир, как бы они не старались? Зачем?..

– Слушай, а может это как-то взаимосвязано?

– Чего?

– Ну, тачки эти и перестройка.

Да ну! Какая тут связь?

– Не знаю. Ты считаешь, что пришельцы связаны с этой дорогой и никак иначе?

Костян приподнялся на локте и поправил задравшийся свитер.

– Скорее всего, – сказал он. – Сам знаешь, дорога старая...

– Значит, этот путь существует уже давно, и эти люди из параллельного мира все это время пользовались им.

– Ну да.

На мою руку вползла божья коровка и принялась, как водится искать наивысшую точку, чтобы взлететь. Следя за ее перемещениями, я подумал и решил высказать мысль, возникшую у меня некоторое время назад.

– Слушай, Костя, а может, в этих машинах и людей никаких нет?

– Как это?

– Ну, может, там стоят хитрые приборы, ЭВМ всякие. Они и управляют. Едут по программе куда нужно.

– Да это невозможно.

– Это у нас невозможно, а там, откуда они родом может там техника уже такая, что ого-го!

Костя молчал, задумчиво подставив лицо яркому солнцу. Глаза его были закрыты, а тонкая линия губ выражала серьезность и почему-то грусть.

– Я не хочу, чтобы было так. Это... это неинтересно.

– Почему?

Снова пауза. Потом не совсем обычное признание:

– Тот мир... Он должен быть лучше, ярче, интереснее. Иначе зачем все это?

Каким-то чудом мне хватило мозгов промолчать и не подколоть как-нибудь своего друга. Это было правильное решение, такие моменты вежливого отношения к чему-то важному, что берег каждый из нас рядом с сердцем, и были залогом нашей дружбы. А еще я услышал от Костяна небольшую историю. Вернее, пересказ.

– Знаешь, я недавно один рассказ прочел. «Марки страны Эльдорадо» назывался. Там к одному парню в наследство попали странные такие почтовые марки. Красивые и по виду очень ценные. На них были нарисованы единорог, бог морей Посейдон, еще там чего-то... а, еще девушка красивая, вот. И марки эти могли отправлять и письма, и посылки мгновенно. А, ну и – главное! – были они из страны, которой нет на карте. Страна Эльдорадо. На них так и написано было. Этот парень написал письмо другу, наклеил эту марку, и оно за пять минут к нему долетело. Друг потом приехал к этому первому, и они начали экспериментировать. Засунули, представь, кота в коробку, надписали несуществующий адрес в этой самой стране Эльдорадо. Ну и посылка эта слетала туда, вернулась за полчаса, и на коробке стояло: «адресат по указанному адресу не значится». А котяра, блин, даже помолодел после этого полета. Марок было всего несколько штук. Вот осталось у них две марки, и придумали они сами отправиться в эту страну. Залезть в большую коробку, по типу посылка, и марочку волшебную наклеить... Но хозяин марок сдрейфил, а друг его... этот улетел. Ну, тот который сдрейфил с помощью последней марки, короче, отправил своему приятелю в догонку теплые вещи, там, зонтик.

– Ну и дурак же!

– Так и я про то же. У него был такой шанс увидеть эту невероятную страну!

– А ты бы легко?

– Запросто!

Я не придал этим словам тогда особого значения, но позже стал воспринимать их по-иному. И история про двух друзей, один из которых рванул в неведомое, а другой не смог (неважно по какой причине), стала потом мне удивительно близка. Не буду, впрочем, забегать вперед.

К середине мая нам окончательно надоело сидеть в засаде и смотреть на чужаков издали, с нашего места на холме. Тем более что ничего нового не происходило, и мы даже стали понемногу привыкать ко всем этим загадочным машинам. Некоторые стали повторяться,

значительно выросла наша оценочная планка «Вот это тачка!». Но интерес, конечно же, не пропал, вовсе нет. Просто мы созрели, наверное, к новому шагу в познании тайны нашей Дороги.

Или, по крайней мере, к смене места наблюдения.

Постепенно мы выбрались из совсем уж разросшихся кустов и начали слоняться по окрестным склонам. Не знаю почему, но мне это стало напоминать уже не наблюдение, а словно приручение дикого зверя. Мы будто хотели, чтобы то, что составляет суть этого явления, привыкло к нашему присутствию у Дороги. А когда это произойдет, можно будет, наверное, прикоснуться непосредственно к самой тайне. Глупые мысли? Конечно. Такое мог придумать только ребенок, но мне хочется донести сквозь годы и это. Тем более что один из нас все-таки добился своего, и прикоснулся к тайне. Можно сказать, даже сунул голову в пасть хищника, если уж до конца вести аналогию с приручением.

В это время мы виделись с Дорогой меньше – давали знать о себе пропущенные уроки и «параши», которые мы имели неосторожность схлопотать. Мы пытались наверстать упущенное и исправить то, что еще можно, чтобы закончить четверть не с таким разгромным счетом. Костяну на все это в принципе было плевать. В его глазах, часто задумчивых, я мог увидеть лишь отблески проносящихся и исчезающих за поворотом машин. И, тем не менее, я брал его в оборот, и мы решали эти долбаные задачки и делали упражнения. А всякую там литературу или историю мы брали с собой «в поле», чтобы хоть как-то совместить приятное с полезным.

В это время, несмотря на всю нашу «занятость», мы еще раз обследовали повороты, за которыми пропадают машины и вновь почувствовали себя наивными котятками, с которыми неведомый кто-то завел забавную игру. Левый «угол» представлял собой выдающийся вперед кусок скалы и занять напротив него такую позицию, чтобы видеть дорогу и до, и после поворота было невозможно. Этим чужаки и пользовались, красиво так водя нас за нос. Если мы устраивались ближе к нашему основному прямому участку шоссе, все проходило по старой схеме, если мы забирались левее, то очередной загадочный автомобиль исчезал как раз с той стороны скалы, даже не доехав до нас. А когда через некоторое время мы догадались разделить и занять позиции в пятидесяти метрах друг от друга, следующий пришелец просто полностью проехал весь наш просматриваемый участок и отправился дальше.

С другой стороны все происходило даже проще. И одновременно нахальнее. Можно сказать, что чужаки исчезали на наших глазах, но, разумеется, мы ни разу не увидели воочию то, за чем охотились. Какая-нибудь пестрая невероятная штучка просто въезжала в лес, какое-то время мы наблюдали ее сквозь деревья, а потом – вот она, кажется, только что была там, и ее уже нет – птичка упорхнула. А про процесс появления я вообще не говорю – уследить, когда появляется очередная машина из другого мира, было абсолютно нереально.

Вообще я могу, конечно, допустить, что все это было лишь сочетанием случайностей и совпадений, никакая это не четко спланированная система защиты от чужих глаз (действительно, кому будет дело до двух мальчишек сидящих на холме?) но, поверьте, впечатление складывалось именно такое: про нас знают и сознательно водят за нос. Причем водят красиво.

Прежде чем мы окончательно смирились с невозможностью проследить за моментом перехода, нами было предпринято несколько вылазок на противоположную сторону Дороги. Мы думали, что, возможно, упускаем что-то, наблюдая за ситуацией только с одного бока. Однако на том «берегу» нас ждала плотная преграда из колючих кустов и кривых невысоких деревьев, подступающих прямо к обочине. За этими непролазными зарослями можно было спрятаться, но что-то через них увидеть... Нет, это было бесполезно, даже если умудриться забраться по склону выше.

К тому же, когда мы пересекали дорогу, у нас возникало ощущение, что мы преступаем границы дозволенного и если мы будем так делать, тайна вообще может покинуть нас. Смотреть – пожалуйста, но прикоснуться – на это нужны были более серьезные причины, нежели простое любопытство. Чтобы пройти этот рубеж, нужен был особый пропуск. Это впечатление не было настоящим доказанным знанием, но оно и не было простой мыслью, случайно запорхнувшей подобно птице на чердак нашего рассудка. Кто-то, вторгшийся в зону наших «шестых» чувств, нашептал это.

Хозяин Дороги, наверное.

А в том, что он есть и что Дорога не просто самостоятельное явление, а за ней кто-то стоит, мы смогли вскоре убедиться.

Утомившись от бесконечных исканий, мы вновь решили пристроиться где-нибудь в удобном месте на нашей стороне, но только теперь уже поближе к дороге. Вначале мы хотели просто приткнуться на валунах почти у самой обочины, но день или два, проведенные в непосредственной близости от Дороги, убедили нас в том, что нужно искать другое место – пока мы сидели у всех на виду, во-первых, мимо не проехала ни одна необычная машина, а, во-вторых, нас заприметили местные водилы, чьи подозрительные взгляды из окон стали нас раздражать.

Таким образом, очень быстро мы пришли к выводу, что без конспирации дело не пойдет. Как стало бы ясно любому пацану, нужно было искать штаб.

И штаб под наши цели нашелся. Но, пожалуй, это отдельная история.

Была у нас одна хулиганская компания, слывшая грозой школы. Возглавлял ее высокий смуглый пацан из 8-го класса по прозвищу Батон. Около него всегда вертелось человека три сподвижников и встреча с этой «шоблой» не предвещала в большинстве случаев ничего хорошего. Мне тоже пришлось разок-другой побегать за своей шапкой, играя «в собачку», и наблюдать, как маленький и толстый Жук, друг Батона под гогот корешей жжет мою пластмассовую расческу, якобы бывшую «пороховухой». А также выдерживать оплеухи и саечки, без которых эта «туса» не могла отпустить ни одного школьника, попавшегося на его пути. Были, правда и те, которые завязывались с ними в драку, но среди пятиклассников, коими мы на тот момент являлись, таких смельчаков я не припомню. Костяну было вообще непросто – Батон жил с ним в соседнем доме и при всем желании столкновений с ним или его компашкой, когда торопишься в школу или просто гуляешь во дворе, было не избежать. А велик, как рассказал мне мой друг, он вообще выводил, только убедившись, что этого хулиганья нет поблизости.

Наверное, через нечто подобное в своей жизни прошел каждый второй пацан и ничего с этим раскладом не поделаешь, но когда тебе 12 и такие проблемы являются частью твоей жизни, это конечно, весьма и весьма паршиво.

Так вот, где-то в середине мая мы имели несчастье встретиться с этими ребятами на нашем Наблюдательном Холме. Мы недавно проводили огромную угловатую тушу, прозванную «Кадиллаком». Машина развенчивала наше мнение о том, что среди загадочных машин не встречается старых. У «Кадиллака» были покрашенные белой краской колеса, задние оригинально наполовину прикрывало массивное крыло. Это был потрясающий транспорт с хромированной решеткой радиатора и торчащими вверх задними фонарями, как у 412-го, но гораздо круче. Чем-то этот автомобиль напоминал представительскую «Чайку», только цвет его был не привычно черным, а цвета кофе с молоком. То, что любой водила через несколько лет назвал бы «сараям на колесах», степенно проехало мимо нас по шоссе и... конечно же пропало за поворотом.

Мы обсудили увиденное, а через несколько минут на горизонте появился Батон и компания.

Костян заметил их первым. Он выдохнул «Твою мать!». Я повернулся к нему узнать, что же заставило его так матюкнуться, и тоже увидел знаменитую четверку. Первоначально они направлялись куда-то в сторону, но надеяться, что они пройдут мимо, похоже, было бесполезно.

И действительно, компания, подкорректировав свой курс, направилась к нам.

Костян незаметным движением спрятал под манжет рубашки часы, чтобы они не бросались в глаза, я зажал карман с несколькими медяками, дабы те не звенели, и стал лихорадочно вспоминать, что еще ценного есть у меня в карманах. На этот раз никаких учебников мы, к счастью, не брали, так что все драгоценности исчерпывались цепочкой, на которой висели два моих ключа от квартиры и несколькими монетками.

Они подошли, будто случайно став полукругом. Батон, Жук, Колян и еще один пацан, имени которого я не знал. Батон был одет в болоньевую ветровку поверх клетчатой рубашки навывпуск. Иногда мне приходилось слышать, что за поясом под рубашкой он порой прячет четырехжгутовую воздушку, которая кусочком пластилина размером с горошину может пробить стекло с десяти шагов. Воздушку я, как не присматривался к Батону, заметить не смог, а вот то, что в кармане рубашки лежит полусмятая пачка «Золотого пляжа», увидел.

– Здорово, мелочь! Что это вы тут делаете?

– Просто... сидим, – ответил Костя.
– Просто значит, – повторил Батон, – На солнышке загораете?
– Ага, – едва слышно сказал я, хотя день был не совсем и солнечный, по небу неустанно плыли громады бело-серых облаков.
– Так солнца-то нету, – ляпнул Колян, лыбясь. Как будто я и сам этого не видел.
Мы молчали, ожидая что будет дальше. Сердце, признаться, колотилось вовсю. За благополучный исход встречи выступало то, что братья у нас, в общем-то, было нечего, к тому же очень хотелось надеяться, что дела, по которым шла эта грозная четверка, были важными, и банда Батона не будет допекать нас долго. Однако с такими подонками всего можно было ожидать.

Наконец прозвучал вопрос по существу.

– Ладно, малышня, признавайтесь, деньги есть?

Мы усиленно замотали головами. Не то, чтобы мне в частности было жалко этих двадцати или тридцати копеек, хотя они и являлись результатом двухдневной экономии, но мальчишеская гордость порой тоже что-то да значит. Даже если она погребена вместе со злостью и обидой под приличным пластом страха.

– Ну, что, будем выворачивать карманы?

Полукруг вокруг нас начал смыкаться. Стало уж совсем не до мальчишеской гордости. Не помню, на каком этапе этого «разговора» мы поднялись с земли, но когда Костян устроил то, что он устроил, мы уже стояли перед вымогателями в полный рост. А сделал он следующее: со всех сил вмолил ногой в пах Жуку. Тот со стоном согнулся и с выпученными глазами начал хватать воздух. Батон монолитной глыбой надвинулся на нас, его глаза были полны удивления и ярости. Я уж подумал, что мы выгребаем сегодня по полной, но у моего друга в рукаве оказался еще один козырь. Вернее в кулаке, который он разжал перед лицом Батона, засыпая его глаза сухой землей. Двое остальных на несколько мгновений замерли в замешательстве, наблюдая за двумя корешами, выведенными из строя каким-то нескладным сопляком. Это дало нам крохотную, но фору.

– Бежим! – скомандовал на выдохе Костян.

Второй раз повторять мне было не нужно. Мы рванулись с места и помчались вниз по холму, наращивая скорость. Колян, резво оценив ситуацию, бросился за нами. Четвертый пацан потерял на принятии аналогичного решения лишь пару секунд. Мы бежали так быстро, как никогда до этого не бегали. Нормативы ГТО наверняка были выполнены и перевыполнены. Перепрыгивая через колдобины и проносясь по высоким травам, опасно скрывающим профиль земли, я думал лишь о том, чтобы не упасть и не сломать себе шею. Костян же успевал подумать и о том, как нам все-таки не стать боксерской грушей для четырех разъяренных быков («быков» по нашим мальчишеским меркам).

– К деревьям! – услышал я его искаженный бегом голос.

Думаю, тот день надолго стал для нас эталоном удачи. Да, фактор наглости и неожиданности тоже имел место, но в целом... Нас никто не схватил в первые секунды конфликта, хотя сделать это смог бы любой. Колян и тот, четвертый из их компании (позже я узнал, что его зовут Максом) замешкались и дали нам, как оказалось, заметную фору. Наконец, Колян во время погони за нами споткнулся, и это решило все. Он зацепился за камень и исполнил весьма красивый кульбит с полетом на несколько метров – сделал то, чего я сам сильно опасался. Это выглядело, видимо, настолько устрашающе, что Макс незамедлительно тормознул возле приятеля, чтобы убедиться, что тот ничего себе не сломал. Мы видели это лишь краем глаза по пути к тепер уже действительно спасительной лесополосе.

Деревья приняли нас под аккомпанемент злых матерных криков, доносящихся с холма. На деле оказалось, что шедшая вдоль дороги лесополоса, образованная невысокими вычурными деревцами, не так уж и густа, по крайней мере, поначалу. Чтобы по-настоящему спрятаться, нужно было перебираться на противоположную сторону дороги, но сделать это стоило, только выйдя из поля зрения наших преследователей. Сомневаться в том, что нас будут преследовать, не приходилось, сейчас они перегруппируются, подбодрят себя неистовыми криками в стиле «Порвать!!!» и рванут за нами.

Лесополоса стала уже, но гуще и пробираться через нее бегом уже стало проблематично. К тому же мы сильно устали. Мы покрыли расстояние в полторы стометровки, сбегая с холма и

еще несколько десятков метров «леса». У меня начало колоть в боку, Костян тоже не выглядел бодрячком, но все равно на попытку замедлить ход рывкнул:

– Вперед!

Мы преодолели еще какое-то расстояние, добравшись до маленького овражка, уходящего вправо почти перпендикулярно дороге и полностью заросшего кустами и деревьями – влага, идущая из подножья холма питала все эти микроджунгли. С противоположной стороны сквозь стволы явственно виднелась дорога. Если перебираться на ту сторону, то нужно было делать это здесь и сейчас. Голосов компании Батона пока слышно не было, но в то, что они обломают нас искать, не верилось. Я ткнул Костяна в бок и указал рукой на дорогу. Мой друг глянул туда, потом перевел взгляд в противоположную сторону. Его посетила какая-то мысль, сразу отразившаяся на лице. Костян еще раз посмотрел на виднеющуюся дорогу и решительно махнул головой.

– На дерево!

– На де... – я ошеломленно замолчал и только сейчас заметил, что над нами нависают ветви огромного старого ореха.

– Да! Да!

Не дожидаясь возражений с моей стороны, Костян нырнул сквозь лопухи за заросли ежевики. Я неумело матернулся и пошел за ним.

– Осторожно. Пробирайся по краю, – шикнул на меня Костян, – чтобы не оставлять следов.

Мы оказались в самой чаще зеленого оазиса. Трава, не испытывавшая жажды, доходила нам до колен. Деревья тоже были посolidнее, более яркие и прямые, нежели их родичи у самой дороги, и королем над всем этим растительным миром возвышался орех, только что отцветший и усеявший землю вокруг себя темно-зелеными хвостиками своих причудливых цветов. Пара ветвей его с северной стороны были сухими, да и листвою дерево покрылось не полностью, но и того, что было, для маскировки хватало вполне. Тем более, что одежда на нас была неяркая. Костян посадил меня к самой низкой дугой выгнутой ветви. Я подтянулся, забрался на дерево, потом помог подняться ему. Орех весьма удобно подходил для лазания – ветки от ствола отходили почти горизонтально, их было много и в центре вполне хватало места, чтобы протиснуться повыше.

Едва мы «вознеслись» над землей, объявилась команда Батона. Вначале я увидел Макса, продирающегося сквозь заросли тем же маршрутом, что и мы. Потом голос откуда-то издалека подал сам Батон. Присмотревшись сквозь зелень, я увидел его и хромающего Коляна. Они выбрали путь по обочине шоссе. Приходилось признать, что вариант перебежки через дорогу обернулся бы для нас полным разоблачением – эти двое легко бы нас засекли. Через секунду удары палкой по кустам и лопухам известили о прибытии контуженного в яйца Жука.

Пока они продвигались вперед в своем куцем построении – Жук и Макс по лесополосе, Батон и Колян по обочине – мне не было так уж особенно страшно, но когда они остановились примерно напротив нашего убежища, сердце мое замерло от ужаса. Я сидел, обхватив ствол обеими руками, стараясь не шелохнуться и радуясь тому, что у орехов не облетает старая кора. На одну ветвь выше замер Костя. Я встретился с ним взглядом, и увидел, что мой друг тоже боится, но кроме испуга, я прочел в его глазах что-то еще, подернутое пленкой странного оптимизма. Разбираться в этом, когда в пяти шагах остановилась совсем недовольная происходящим компания Батона, было не время. Жук прогулялся своей палкой по кустам, через которые мы перелезли минуту назад:

– Куда могли подеваться эти гавнюки?

Его стриженная макушка всплыла в проем между веток, и я стал молиться (хотя имел весьма смутное представление, как это делается), чтобы он не поднял головы.

– Может, они снова забрались на холм? – услышал я голос Коляна.

– Да, фиг! Мы же следили!

– Хреново, значит, следили!

– Может быть, они свалили через дорогу?...

– Я их все равно достану! Из-под земли! – заревел Батон, и Жук неразборчивым матерным возгласом его поддержал.

Стук моего сердца начал напоминать уже шум паровоза, ладони вспотели. Мне хотелось, чтобы они, наконец, ушли, я готов был отдать за это все. И еще в голову пришла мысль, совсем не способствующая улучшению самочувствия: я подумал, что если даже сегодня все обойдется, они обязательно нас найдут. Из-под земли достанут, как сказал Батон. Наверняка еще никто не унижал их так, как сегодня, и эта банда сделает все, чтобы последнее слово осталось за ними.

Наконец, покругившись под орехом пару невообразимых долгих минут, четверка двинулась дальше. Я уж было приготовился вздохнуть с облегчением, как вдруг Колян диким возгласом перебил мое желание.

– Эй, парни, зырьте какая тачила!

Словно во сне, я услышал низкий утробный гул чужого автомобиля. На секунду от мыслей о том, что может случиться, у меня закружилась голова, а потом все вытеснило здоровое любопытство. Я посмотрел на Костю и увидел, что он карабкается выше, чтобы увидеть то, что будет. Я последовал за ним, тем более что треск ломающихся кустов сообщил о том, что двое ушлепков, торчащих в лесополосе, поспешили к дороге.

С дерева открывался хороший вид. Мы с Костяном выбрали более-менее удобную развилку и вперились взглядом в Дорогу. Голубой вытянутый седан с выдающимся вперед черным бампером и тремя парами фар не спеша катил по шоссе. Мне показалось, что сквозь блестящий экран лобового стекла я увидел за рулем женщину средних лет с копной светлорыжих волос, и реплика кого-то из выстроившихся вдоль обочины пацанов подтвердила это.

– Гляди, тетка за рулем!

– Эй, тетя, – на этот раз голос определенно был Батона, – подбрось до города. Прокати, а?

Я не поверил своим глазам. Батон голосовал. Выпершись чуть ли не на середину полосы, принялся размахивать рукой Жук. Загалдели что-то нераспознаваемое и остальные. Когда автомобиль приблизился вплотную, эта четверка психов уже по-обезьяньи вытанцовывала на дороге. Нам с Костяном оставалось лишь быть свидетелями этого представления. Которое, по сути, закончилось, не успев начаться. Голубое авто, резко прибавив скорость, пронеслось мимо Батоновской компашки по встречной полосе и, не сбавляя скорости, помчалось дальше. То, что случилось в момент, следовавший сразу за этим событием, мне рассказал потом Костян, видящий со своей точки немного больше. Жук запустил в машину свою палку, и она чиркнула по багажнику. Звука я не слышал, но не верить Костяну у меня нет причин. Тем более что я, в свою очередь, разглядел сквозь дырочку в листьях то, чего не видел мой друг: прежде чем машина пропала за поворотом, на ее крыше блеснула антенна, которой еще совсем недавно там и в помине не было.

Некоторое время Батон с компанией увлеченно делились впечатлениями об увиденной машине, совсем забыв про нас. Они находились на обочине, примерно в тридцати или сорока метрах от нас, скрытые зарослями. До нас долетали обрывки фраз. Смеялся Жук, сбегавший и подобравший свою палку. Кто-то смачно выматерился. Дикий ржач и переполненные эмоциями голоса как-то неуместно звучали в этом лесном мирке, в котором мы сейчас оказались.

Я стукнул Костяна по ноге и жестом указал в противоположную сторону – на склон холма, предлагая уйти, пока есть возможность, но мой друг так убежденно покачал головой, что я не стал с ним спорить.

Проехавший по дороге УАЗик, совершенно ничем не примечательный, видимо вернул орущих к более насущным делам. То есть к нам.

– Ладно, все! – громогласно объявил батон. – Мы проходим еще метров сто так же как шли, потом идем на ту сторону. Уверен, эти сопляки затаились где-то в кустах и мы их найдем.

– Ох, как же я отвечу этому гаду таким же пинком! – слова Жука сопровождалось треском веток, по которым он лупил своей палкой.

Снова распределившись «двое на обочине, двое в лесу», они двинулись в путь. Но далеко уйти им не удалось. С той стороны, где исчезла машина светловолосой дамы, донесся нарастающий низкий рык хорошо отлаженного мотора и через считанные секунды его обладатель появился на арене собственной персоной. Едва мы увидели его с нашего дерева, нам стало ясно, что в пестрой и разномастной семье пришельцев этот «аппарат» занимает особое место. Он чем-то пугал, в его присутствии становилось как-то не по себе. Это ощущение перекликалось с неприятным чувством, возникавшим, когда мы пересекали Дорогу. Будто бы,

находясь на Дороге, ты испытываешь дискомфорт именно оттого, что ждешь, что этот черный призрак вот-вот появится из-за поворота.

Да, этот автомобиль был черным. Черным полностью, вплоть до дисков колес. Даже лобовое стекло казалось у него непрозрачно-темным, будто слившимся с остальным корпусом. Кроме того, у него совсем не было фар, что придавало автомобилю еще более пугающий вид. Единственной светлой, вернее блестящей, деталью машины была антенна, торчащая коротким обрубком в основании крыла.

Таинственная черная машина, сбавляя ход, проехала мимо, продемонстрировав свой агрессивно-стремительный силуэт. Это был действительно силуэт, потому что темные окна не давали ни малейшей возможности заглянуть внутрь. Что еще нас устрасило – отсутствие ручек на двери, хотя, конечно, если они были угольного цвета, то сливались со всем остальным. А еще Костян потом говорил, что на крыше у этой тачки – рельефный, выдавленный наподобие срока годности на консервах, знак. Я этого не заметил, но, как я уже говорил, точка наблюдения моего друга была получше.

Батон и остальные словно почувствовали что-то неладное и неожиданно притихли. Сквозь майскую зелень проглядывали лишь крохотные цветные пятна одежды, по которым можно было определить их местоположение. Если парни и говорили в этот момент что-то, мы не слышали это из-за шума двигателя пришельца.

Появившееся авто стало тормозить в двадцати метрах от их компании. Не дожидаясь финального скрипа шин, компания Батона бросилась бежать. Самым лучшим маршрутом для этого был избран крутой склон на противоположной стороне дороге. Тут мы уже могли, хоть и плохо, лицезреть забавно карабкающиеся сквозь ежевичные заросли фигурки. Им бы разбежаться в разные стороны, но они почему-то упорно держались вместе, может из-за глупости, может, действуя по какому-то оговоренному плану, а, скорее всего, из-за обычного страха.

Страха перед тем, кто в этот момент вылезал из черной машины.

Хлопнула дверца, и силуэт незнакомца отделился от контуров авто. Еще пару шагов – и он появился в лиственном «окне». Мы с Костяном замерли, потому что в первый раз увидели живьем одного из водителей этих загадочных машин. Видели мы его, правда, только со спины, но на первый взгляд это был такой же человек, как и мы, широкоплечий, среднего роста, с темными волосами. Одет чужак был в темно-синие штаны (возможно, настоящие джинсы, о которых мы только слышали) и короткую кожаную куртку. Черную. Его движения были уверенные и четкие, причем в них не было и намек на торопливость. Он будто бы знал, что никаким беглецам от него не скрыться и вообще, учитывая то, что машину свою он оставил прямо на проезжей части, на Федюхинском шоссе чужак чувствовал себя как дома.

Он пересек Дорогу, даже не оглядываясь по сторонам, и направился к Батону с его компанией.

То, что было потом, почему-то почти не сохранилось в моей памяти. Помню, что чужак небрежно догнал четверку, буксующую на склоне. В его руке появился какой-то предмет и раздался сопровождаемый дрожанием воздуха странный гул, ощущаемый практически на границе слуха. После этого, кажется, незнакомец сказал что-то замершим на склоне и уже не пытающимся убежать пацанам, а может быть, и нет. Как он снова сел в свою черную машину, и что делали потом Батон, Жук и остальные, я не помню совершенно. Возвращение в реальность состоялось в момент, когда пережившая что-то совершенно невероятное четверка, не разговаривая, сосредоточенно шагала по обочине дороге в сторону, откуда началась погоня за нами.

Я помню, как мы ошалело переглянулись с Костей и, не произнеся ни слова, провожали их взглядом, пока четыре фигурки не удалились на безопасное расстояние. Только тогда мы снова обрели дар речи.

– Ты видел это!? – Костян возбужденно дернул меня за рукав. – Ты хоть понял, что это означает?

– Что? – я был слишком ошеломлен, чтобы делать какие-то выводы.

– У нашей Дороги есть охрана! Они охраняют всех этих людей, проезжающих здесь!

– А может, это был случайный прохожий, то есть проезжий... то есть проезжающий, – наконец выразил свою мысль я.

– Не-а, – Костян был непоколебим. – Это их по-ли-ци-я,- последнее слово он даже произнес по слогам.

– Не хотел бы я попасться в лапы этой «полиции». Что они с этими-то сделали?

– Да, поделом гадам! А мы... мы ведь не делаем ничего плохого.

– Но мы же следим...

Костян на мгновение задумался.

– Леха, мы уже почти два месяца тут наблюдаем, и никто нас не трогает. Мы же только со стороны. На Дорогу и не лезем. И тем более не бросаемся ничем в машины, как некоторые.

Я промолчал, в принципе соглашаясь со словами моего друга, но вместе с тем испытывая противное ощущение, когда «сосет под ложечкой». Несмотря на эти два месяца, наши знания о Дороге были все так же почти равны нулю. Какие уж тут разговоры про безопасность?

Не торопясь слезать с дерева, мы некоторое время еще посидели, пытаюсь понять, что же именно делал человек из черной машины и кто он все-таки такой, а потом мысль, неожиданно пришедшая мне в голову, сменила направление нашего разговора.

– Слушай, Костя, а какого фига ты вообще побежал? Ну, забрали бы они у нас копеек двадцать мелочи. Может быть, нам грозила бы пара затрещин и... все. А теперь нам по-любому не избежать махача с ними, – я распалялся все сильнее. – Хотя какой там махач, подстерегут по одному и наваляют так, что мама родная не узнает, – я с укоризной посмотрел на друга. – У тебя что, была куча денег в кармане?

Костя в один миг стал серьезным.

– Круче.

Он полез куда-то во внутренний карман и достал на свет огромный перочинный ножик с кучей дополнительных прибабасов. Кроме большого лезвия и лезвия поменьше там была отвертка, открывашка, шило, штопор и что-то еще. На зеленоватой рукоятке над пятиугольником знака качества был изображен парусник. Я с изумлением взял это сокровище в руку, извлек по очереди все приспособления, потом оставил самое солидное лезвие.

– Смотри, оно очень острое, – предупредил Костян. – Я его как следует заточил.

Я поковырял ветку, на которой сидел, убеждаясь в словах друга.

– Откуда он у тебя?

– Отчим где-то взял неделю назад. Принес и в ящик стола положил. Ну, я несколько дней подождал и взял его.

– А если просечет?

– Так я ж его снова в стол положу. А вообще он пьяный в тот вечер был, скорее всего, и не вспомнит. Тогда я его, – Костян мечтательно просвистел какую-то мелодию, – себе...

– Да, здорово, – заметил я, продолжая тонкими порезами украшать ветку.

Теперь стало понятно, почему приказ выворачивать карманы так не устраивал моего друга. Еще бы! Батон мигом заграбастал бы нож и, как говорится, поминай, как звали. Лишь один обидчиво-детский вопросик крутился у меня в голове:

– Слушай, а чего ты мне его раньше не показал?

Костян сконфузился и пожал плечами.

– Так получилось, – он посмотрел на мои царапины-узоры и осенившая его мысль легко увлекла нас от скользкой темы. – Дай-ка! – Костян отобрал у меня нож и перебрался на противоположную ветку. – Давай на этом дереве оставим знак нашей дружбы.

– Какой? – не сразу понял я, но Костян, устроившись поудобнее, уже принялся за работу.

Наши инициалы, вырезанные ножом на центральном стволе, смотрелись круто. «А.Н., К.Б.» Алексей Николаев и Константин Бронников. Костян совершенно правильно воздержался от банальных знаков «+» и «=дружба». Буквы размером с ладонь без лишних украшений выглядели строго и...ну... почти на года.

– Как тебе, кстати, вообще деревце? – спросил Костян, закончив работу и любясь творением собственных рук. При этом, цепляющийся за верхние ветки, он напоминал настоящую обезьяну. Я, правда, удерживающий равновесие за счет раздваивающегося ствола, полагаю, выглядел похоже.

– Дерево? А что? – я догадывался, к чему клонит мой друг. Пока он орудовал ножиком, я огляделся и понял, что волею случая мы нашли прекрасное место для наблюдения за дорогой.

– Здесь можно устроить классный штаб, – он перебрался поближе ко мне. – Смотри, как идут ветки – почти горизонтально. Если нам тут прибить большую доску и привязать несколько веревок для страховки, получится просто суперски!

– А с той стороны сверху еще и дупло маленькое есть. Там можно тайник сделать!

– Ага. Слушай, отсюда очень неплохой обзор открывается. И чего мы раньше этот лесок не заметили?

– Я думал, что эта зона уже за границами нашего... ну, этого... участка.

– Ну... с нашего холма это так и казалось.

– А может те машины, что мы видели сегодня – только исключение, а основное движение там?

Костя чуть сбавил радостный восторг.

– Ну, да. Вообще-то проверить надо.

Мы и проверили. И уже через три дня убедились, что чужие машины мимо нашего ореха ездят с той же интенсивностью, что и на нашем старом месте. После этого мы начали оборудовать наш новый наблюдательный пункт. Две доски, найденные на свалке, были уложены на развилке в качестве небольшого удобного помоста и надежно прибиты гвоздями. Привязанные по бокам веревки страховали наши сидячие места. Несколько небольших веток нам пришлось подчистить для увеличения обзора. Была еще мысль покрасить все выделяющееся среди зелени в зеленый цвет, но раздобыть подходящую краску нам так и не удалось. Зато картонная крыша, которую мы приладили над нашими головами, была мастерски измазана соком травы и приобрела маскировочные серо-зеленые пятна. В общем, штаб вышел на славу, и с конца мая мы уже обитали там, обживаясь и с нетерпением ожидая летних каникул.

А что же было с Батоном, Жуком, Максом и Коляном? Пересекались ли и дальше наши пути? Выгресли ли мы за нашу выходку, как предполагали?

В общем, так. Самое важное для нас заключалось в том, что мы не «выгресли», хотя я лично после того дня ходил с оглядкой по углам еще неделю. Домой я старался идти самыми безопасными тропами или в компании с кем-нибудь, в школе лишний раз на перемене не выходил из класса. Насколько я помню, Костян был в те дни таким же напряженным и настороженным. Наконец, я начал убеждаться, что пришелец из черной машины каким-то образом или лишил эту четверку памяти, или качественно промыл мозги. Одним словом, нас не трогали. А когда Жук в школьной столовой, пристраиваясь передо мной без очереди, одарил меня пронзительным взглядом (от которого я чуть не получил разрыв сердца и почти уронил поднос с одиноким компотом) и спросил «Слушай, где тебя видел?», я окончательно удостоверился в этом. Правда, понимание данного факта пришло уже потом, когда Жук, не обращая на меня внимания, набрал котлет с хлебом и удалился, а я еще долго успокаивал надрывно колотящееся в груди сердце.

Они не помнили. Мы с Костяном были одновременно рады и напуганы этой ситуацией. То, что нам не будут мстить за случившееся на холме, это просто замечательно, но прибор, лишаящий памяти – это было уже очень серьезно и страшно для наших детских умов. Единодушно мы с Костей решили, что в случае появления черной машины или вообще кого-либо столь же опасного (не знаю, как мы полагали определять, кто опасен, а кто нет) мы будем без ложного геройства уносить ноги. Когда мой друг говорил об этом, меня, однако, посетили кое-какие сомнения в том, что он сделает именно так, а не останется глянуть одним глазком на нового, пусть и чрезвычайно подозрительного персонажа Дороги, но уж меня уговаривать смяться в такой ситуации долго не пришлось бы, это точно.

А с компанией Батона так серьезно, как тогда, мы больше не пересекались. Да и сама компания, насколько я помню, через год или полтора распалась после каких-то разборок, закончившихся госпитализацией Макса, которому чем-то пробили голову. Меня угораздило встретиться с ним в больнице, где мне вырезали аппендицит, и это была весьма примечательная встреча. Я сидел под процедурным кабинетом в ожидании укола в задницу в компании таких же собратьев по несчастью со всех отделений, как вдруг ко мне обратился какой-то тип с перебинтованной головой. С трудом я узнал в этом пареньке с запавшими глазами на бледном лице прежнего задиру и приближенного Батона. Языком он ворочал неважно, но я смог его без труда понять.

– Слушай, это ведь ты тогда от нас удирал с этим... как его... ну, который тю-тю? Ну, да, я вижу, что ты.

Он наклонился ко мне, и я почувствовал резкий запах какого-то лекарства. Я молчал, чувствуя неприятный болезненный холодок в животе, соседствующий с местом операции. Я не боялся человека, сидящего рядом со мной, но мне было чертовски не по себе. Все, что касается тайн Дороги уже постепенно начало стираться у меня из памяти, а тут... К тому же, даже если разворошить осиное гнездо воспоминаний – мы ведь считали, что их всех лишили памяти. Или это было всего лишь временно? Макс, словно читая мои мысли, принялся рассказывать.

– Это меня ПТУшники так отделали. Жук с Батоном, гады, сбежали... Если бы не Жека, вообще бы хана. Кто-то сзади подлетел и вот, – он дохлым движением руки показал на голову. Даже не знаю чем, вроде у них-то и не было ничего. Кастетом, видать... Вырубили корочку, а вот сейчас в себя пришел и вдруг вспомнил. Тогда в мае... Вы ведь...

Макс начал слегка запинаться от волнения, но я цепко следил за его сухими потрескавшимися губами, повторяющими историю про то, как мы тогда смылись у них из-под носа, и как потом на Дороге появилась черная машина. Он не пропустил ничего.

– Скажи, это все было? Почему я раньше ничего этого не помнил?

– Он, видимо, лишил вас памяти, – это были первые слова, произнесенные мной. Произнесенные тихо-тихо, чтобы окружающие не сочли меня сумасшедшим.

– Парень из черной тачки, да? – Макс посмотрел на меня так, что я виновато сжался под его взглядом, потом отвернулся и уткнулся глазами в пол. – Другие не помнят. Совсем. Я у Кольки спрашивал, когда он меня навещал.

– Он появился после того, как вы начали голосовать синей машине, и Жук кинул в нее палку.

– Да, – медленно произнес Макс, – помню. Женщина была за рулем.

– Ага, а мы с Костей сидели в это время на дереве и смотрели за вами, – откровенность слетела с губ довольно легко, – Но чем тот парень вас так обработал, мы не видели.

– Серая такая штука с рукояткой и двумя блестящими штырьками. От нее какая-то волна пошла и... мы все забыли.

Еще несколько секунд мы сидели молча, а потом пришла моя очередь получать пайку в зад. Когда я вышел из процедурного, Макса почему-то уже не было. Быть может, ему стало плохо, и его проводили в палату, а, может, он сидел под кабинетом, уже побывав у тети с большим шприцем, и теперь просто ушел. В любом случае, я был рад тому обстоятельству, что Макса нет и не нужно смотреть в его печальные и непонимающие глаза. Больше мы с ним не виделись.

Свобода летних каникул вошла в нашу жизнь легко и естественно. С первых же дней мы с Костяном успели поучаствовать в баталиях на брызгалках и гонках на великах. Прошедший по телевизору фильм про Робина Гуда вызвал, как это бывает в детстве, мимолетную, но всепоглощающую моду на луки и мечи.

Лето... Мастерились дротики и пристреливались «харкалки», обувь разваливалась от бесконечной беготни с футбольным мячом. Это было лето! Что уж там говорить! И даже неделя практики в виде окапывания деревьев на школьном дворе не могла испортить ощущение воли.

Мы с Костяном, правда, заслужили тогда характеристику «единоличников». И причиной тому была, конечно же, Дорога. Двор зазывал всевозможными придумками и играми, и мы были не прочь порой порубиться в квадраты, украдкой перекинуться на бревнах в картишки, или смотаться в кино большой компанией, но основное время мы просиживали у Федюхинского шоссе. Я предлагал Костяну расширить круг посвященных в нашу тайну, но тот был категорически против. Я не особо возражал. По сути, у меня и не было других приятелей, достойных того, чтобы навесить на них бремя тайного знания об исчезающих машинах. И достойных посвящения в тайну взрослых тоже не было. Мальчишеские размышления – но что поделать...

Сейчас я вспоминаю те времена, и осознаю, что тогда все было по-другому. Весь мир был иным, не так тикали часы. И солнце светило не так, и деревья были большими. И в один день умещалось так много всего. А сколько у нас уместилось всего в то лето, вообще не рассказать.

Костян кое-как отбился от желания матери послать его в пионерлагерь, я же от поездки к бабушке отказываться не стал. Бабушка моя жила в деревне, рядом с речкой, и это была замечательная возможность вдоволь накупаться и позагорать, надышаться чистым ароматным воздухом полей, испробовать парное молоко и забуриться в кусты с поспевающей малиной. Если бы не слишком уж рьяная опека бабушки, да совсем не складывающиеся отношения с местными пацанами, в Демьяновке можно было бы провести все лето.

Но только не лето 1985 года. В тот раз мне хотелось вернуться в Белчевск поскорее. Две недели – таков был уговор с родителями. Дорога, забросившая неведомые крючки в сердце, не оставляла в покое.

За день до отъезда мы с Костяном забрались на вершину холма – примерно в том месте, где чужаки обманывали нас, сворачивая за «левый угол», прямо напротив выдающейся из склона скалы. Было часа четыре дня, жара уже понемногу начинала спадать. По небу плыли маленькие ватные пятнышки облаков. Мы выбрали небольшой ровный пятачок на самом краю и выгрузили нехитрый груз, принесенный с собой: шесть картошек, спички, соль и литровую бутылку из-под молока, заполненную прохладным вкусным компотом. Побродив по окрестностям, мы насобирали веток и, сделав из нескольких крупных валунов кострище, развели в нем огонь. По правде сказать, я опасался, что обязательно найдется какой-нибудь проходящий мимо взрослый, который заставит нас погасить костер, и будет долго полоскать мозги про то, что «детям разводить огонь нельзя», и что «так и до пожара недалеко». Но то ли Костян правильно выбрал место подальше от всех троп, то ли в тот день нам просто повезло, однако нас никто не трогал и не посягал на жизнь нашего весело потрескивающего костерка.

Мы сидели, ожидая, когда прогорят дрова и постоянно посматривали на дорогу – это уже вошло у нас в привычку. Легкий ветерок шевелил траву и ерошил волосы. Костян скинул старые сандалеты и блаженно ловил пальцами запыленных ног травинки.

– Новых мыслей не возникало, что это за тачки?

Несколько секунд мой друг размышлял.

– Да нет. Хотя... была еще одна версия. Но та история с Батоном ее разбила в пух и прах.

– И чо это за версия?

– Да она не катит, я же говорю.

– Все равно, расскажи.

Костян пожал плечами.

– Мне подумалось, что все, что видим – ненастоящее. Оно... как это было в одном журнале... нематериально, вот.

Я с интересом посмотрел на Костяна:

– Что значит «нематериально»?

– Ну... то, что мы видим – это какая-то такая картинка вроде голографической. На самом деле никаких чужих машин на дороге нет, и нам они только кажутся.

– Выходит, нас загипнотизировали или мы с тобой на пару сошли с ума.

– Не, ты меня не так понял. С нами ничего не произошло. Или ты сомневаешься, ха-ха? – он по-дружески ткнул меня в бок и посмотрел на меня с усмешкой, но вместе с тем как-то странно. – Ладно, шучу. Не, Леха. Представь, что есть где-то этот самый параллельный мир, очень похожий на наш. И здесь, возле Федюхинского шоссе, он находится совсем рядом. И получается, что здесь как бы окно, или такая атмосферная линза, через которую видно тамошнее пространство.

– Опять ты фантастики начитался...

– А ты что скажешь?

– Знаешь, я больше поверю в то, что это действительно какая-то голографическая картинка и ее кто-то проецирует через секретный прибор.

– Для чего?

– Ну, не знаю... Завербовать нас.

– Ты все про своих шпионов...

– Ну ладно, не про шпионов, – я даже немного обиделся и резво трансформировал свое предположение, – Это наши. Они проверяют здесь секретный прибор-проектор.

– А версия про необычное оптическое явление вроде экрана, через которое можно видеть другую землю, тебе не нравится?

– Нет.

Слегка разозлившись друг на друга, мы некоторое время молчали, потом я сказал:

– Костя, на фига мы спорим? Это не проекция. И ты сам сказал, что история с Батоном ее... это... опровергла. Но еще до Батона, где-то в апреле... Ты помнишь, как синий джип обогнал «Москвич»?

– Помню.

– Если бы это была картинка, иллюзия прошла бы сквозь реальность.

– Вообще-то да. Ну, разве что изобретатели секретного проектора не управляли происходящим...

Костян, язвительно прищурившись, посмотрел на меня, потом бросил взгляд куда-то вдаль.

– Вот бы спросить у него...

– У кого? – не понял я.

– Ну, у водителя того «Москвича». Видел ли он эту обогнавшую его машину или нет?

– Да видел, конечно. Он даже вправо немного принял. В конце.

– Хм, я не помню, – едва слышно произнес мой друг и завалился на спину, давая понять, что обсуждение завершилось.

Через некоторое время дым сменил направление, и нам пришлось перебираться на другую сторону костра. Для убедительности мы с Костей покрутили дулями, повторяя известную поговорку «куда дуля – туда дым». Пока мы занимались этим, чуть не проворонили еще одну машину из заповедья.

– Смотри, смотри, – я услышал голос Костяна в тот момент, когда избавлял новое «ложе» от нехоти подвернувшихся камешков, – Ух-гы!

По нашей Дороге катил небольшой, напоминающий формой божью коровку, автомобильчик с маленькими, но широкими колесами и непонятным продолговатым предметом на крыше. Сам автомобиль был пронзительно-желтого цвета, а его груз – сине-зеленый, что в сумме давало весьма занятную палитру. Сквозь потрескивающий голос костра было слышно, что в машине играет какая-то бодрая музыка. Основную мелодию слышно не было, но пульсацию ударных не могло заглушить даже приличное расстояние.

Взбудораженный Костян ткнул меня в бок.

– Ух, Лешка, ты знаешь, что это такое?

– На крыше? – не знаю, зачем уточнил я. И так все было понятно – Костя говорит про эту странную сине-зеленую штуковину.

– Ага.

Я честно сказал, что не имею ни малейшего понятия.

– Это серфер. Я видел такие в журнале «Вокруг света». На них катаются в океане. Там у них большие такие волны бывают. Вот они на эти серферы забираются и скользят по волнам.

– А как же они не падают?

– Не знаю, может на них крепления для ног есть.

– А где это – «там»?

– На экваторе, наверное...

Костян проводил взглядом желтый автомобильчик и глубоко вздохнул. В его глазах при этом я узрел туманный огонек грусти.

...Когда пятнадцать лет спустя, глядя по «ящику» какой-то пляжный клип в институтской компании, я сказал по старинке «серфер» вместо правильного «серфинг», меня подняли на смех. Вначале я не понял, в чем дело, а потом понял и вспомнил. В тот вечер мы выпивали, и я надрался до чертиков, потому что дурацкое слово напомнило мне про Костяна...

Картошка, запеченная в золе, была очень вкусной, по крайней мере, мне так запомнилось. Посыпая ее солькой и запивая компотом, мы ели это нехитрое блюдо и растворялись в долгом июньском вечере, повисшем над Дорогой. Вновь раздув костер, мы сидели до темноты. Медленно таяла красная полоса на западе, а на востоке вспыхивали первые звезды. Зажигались огни в далеких домах, иногда разрезали мглу автомобильные фары (уже и неясно – свои ли, чужие). Из-за горизонта, магнитом притягивая взоры, выплыла огромная круглая луна волшебного-оранжевого цвета. Уходить не хотелось совершенно.

Это был замечательный вечер. Наверняка по возвращении домой мы схлопотали положенные порции воспитательных речей, но это как раз и не запомнилось. А вот отголосок чар, что окружали тогда нас, остался со мной. Ночь. Луна. Дорога. Запах трав и дыма. Чумазы от золы руки. Негромкий разговор с другом.

Замечательный вечер. Эх, если бы можно было все это повторить...

К моменту моего возвращения от бабушки Костян превратился в настоящего исследователя (не исключено, к этому подтолкнула его какая-нибудь книга). У меня сложилось впечатление, что, начиная с конца июня, мой друг, как мы тогда иногда выражались, «забил болт» на все дворовые игры и общение с ровесниками и полностью посвятил себя Дороге. Он где-то добыл старенький 8-кратный бинокль, обзавелся блокнотом и ручкой. Наш наблюдательный пункт на орехе благодаря его стараниям стал более комфортным и менее заметным. Фанатизм, с которым Костян, образно говоря, рвался в бой, несколько сконфузил меня, но в принципе я не видел ничего странного в том, что первооткрыватель явления занялся систематизацией фактов. Тем более что в одиночку он даже провел время полезнее, чем если бы я был с ним.

В общем, статистика, показанная мне Костей, была такова.

В день по дороге проезжало не меньше сотни машин. Если быть точным, то, конечно же, не в день, а за то время, которое Костян проводил на орехе. Примерно десяток из проезжающих машин казался ему просто странным и одну-две он однозначно заносил в список чужих. Цифры эти, конечно же, колебались в больших пределах. Костян рассказал мне, что однажды за какой-то час явных чужаков набралось семь и еще в течение дня ездили всякие странные машины, но порой за весь день не было ни одной. В такие дни Костян строил версии про то, что наверняка кто-то из пришельцев маскирует свой транспорт под обычные человеческие машины. Количество машин, направляющихся со стороны Сырой балки и едущих в обратном направлении, было примерно равно. Хотя эти данные были самые неточные.

И еще. Некоторые автомобили повторялись. Мы, в принципе, знали про это уже давно, но Костян умудрился засечь машину, появляющуюся на шоссе строго по расписанию.

Все примечательные открытия делаются случайно. Так и мой друг невзначай открыл, что каждый четверг по Дороге в одном и том же направлении проезжает белый пикап. И не просто каждый четверг, а точно в полдень. По нему даже можно было сверять часы. Пикап этот представлял собой небольшой автомобильчик с кузовом позади двухместной кабины, в котором иногда мы видели какой-то груз, прикрытый чем-то вроде брезента, а может быть и темной пленкой. По краям прямоугольной решетки радиатора сверкали большие круглые фары. По бокам кузова торчали овальные уши зеркал заднего вида. Запаска пряталась в горизонтальном положении сзади под кузовом. Своей непритязательной формой он напоминал довоенные авто, но даже если за спиной этой машины остались сотни километров пройденных дорог, то на ровном и спокойном урчании мотора это никак не сказалось. Что касается человека, сидящего за рулем этого автомобиля, то все, что мы смогли заметить – это то, что это был мужчина с длинными, до плеч, волосами, обильно покрытыми сединой. Ну и еще немаловажный момент – мы сошлись на мысли, что чужак выглядел вполне безопасно.

Костя показал мне этот белый пикап через день после моего приезда от бабушки – был как раз четверг. Стрелки на стареньких наручных часах «Восток» сошлись в единый луч (или почти сошлись – сейчас я начинаю считать, что вышеуказанная пунктуальность была, в общем-то, подетски преувеличена) и мы увидели неторопливо катящегося по Дороге чужака. На этот раз в кузове стояла сделанная из толстых прутьев клетка, занимающая половину свободного места. Пустая. Мы с Костяном переглянулись и, замороженные, проводили пикап взглядом. Как обычно до поворота.

– Интересно, для кого эта клетка? – озвучил наши мысли Костян.

– Не знаю. Туда целый медведь поместится.

– Ну, с медведем ты загнул, ему там тесно будет. Волк, рысь, не крупнее. – Костя секунду помолчал. – Или какой-то совсем не известный в нашем мире зверь.

– Ага, вот бы посмотреть, когда он будет возвращаться назад. Ты кстати так и не заметил, когда это происходит?

– Ночью, скорее всего. Или он по другой дороге возвращается.

– По другой? – удивился я. Мне почему-то в голову не приходило, что где-то может быть еще одна Дорога. Возможно, даже где-то рядом.

– Ну, да. Почему бы и нет.

Действительно, почему нет? Только все равно, мы не стали бы больше ничего искать. С нас хватало и одного Федюхинского шоссе. Хватало выше крыши, как мы когда-то говорили.

Через некоторое время у меня родилась идея на примере белого пикапа проверить нашу теорию про то, что чужие машины стараются избегать лишних глаз. Я предложил Костику в следующий четверг в урочный час оказаться у обочины и посмотреть, что будет. Однако предложение это мой друг воспринял без энтузиазма. Насупившись и сделав вид, что занят чем-то вроде чистки ногтей, он сказал, что уже все проверено, пусть не с обочины, а из придорожных кустов. Пикап проезжает по любому.

Почему эту информацию пришлось вытягивать из Костяна почти клещами, я тогда так и не понял.

Машины ездили. С нашего ореха мы могли видеть их с более близкого расстояния, но разросшиеся деревья и кусты не позволяли как следует насладиться этим зрелищем. Мы с Костяном порой на это даже злились. Но за маскировку приходилось платить.

Машины... Мы привыкли уже к обтекаемым формам и зализанным фарам, к широким колесам и люку в крыше. Рамы, много лет спустя прозванные «кенгурятниками» тоже больше нас не смущали, так же как и разного рода «спойлеры» и «обвесы», совершенно неизвестные в 85-м. Не переставали изумлять неопишуемым нормальным языком краски и их сочетания: дикие, броские, но в тоже время красивые. В июле мы увидели автомобиль с разноцветными колесами. Цветной была именно резина, и это ошеломляло, ведь такого не было, кажется, за всю историю автомобилестроения. Передние колеса были розовыми, задние – зелеными. Дорожная пыль, конечно, притушила яркость красок, но, не смотря на это, автомобиль казался совершенно нереальным – ведь и сам кузов имел плавный переход цветов. От розового к зеленому.

Еще продолжали удивлять уж совсем «несерийные» модели – это слово, конечно же, не из лексикона двенадцатилетнего пацана, как и многие другие, но я не могу найти термин лучше. Помимо конструкций напоминающих багги и гоночные авто (и те, и другие появлялись на Федюхинском, правда, редко) мимо нас в свое время держали путь странный трехколесный симбиоз мотоцикла и автомобиля, какое-то корыто на колесах, навевающее мысль об автомобиле-амфибии. Был автомобиль – зеркальное отражение пикапа. Кузов у него находился перед кабиной, как у трактора, который занимался уборкой улиц в нашем районе. А еще однажды вечером мы увидели большой военный джип цвета хаки с пулеметом на раме сверху. Мы уже расходились по домам, когда Костян еле слышно выдохнул «Ого!» (не знаю почему, но появляющиеся чужие машины он замечал почти всегда раньше меня). До легендарного «Хаммера» (который в первый раз я сам увидел по телеку лишь в репортаже, посвященном началу войны в Персидском заливе), вездеходу было конечно далеко, но и то, что мчалось с жестким урчанием по полотну Федюхинского шоссе, внушало ужас. Еще и этот пулемет сверху... Большие черные колеса взвизгнули на вираже, оставляя едва заметный след на асфальте, и джип, как и все прочие авто, исчез за поворотом. Все произошло очень быстро, мы не успели даже прийти в себя. Нет, многие машины пролетали наш участок за считанные секунды, оставляя нас просто с разинутыми ртами. Но тут... Вид военного автомобиля из чужого мира словно на какое-то время парализовал нас и шокировал. По дороге домой мы почти не говорили, и в тот вечер, помнится, я внимательно посмотрел программу «Время», словно пытаюсь убедить себя, что события реального мира никак не связаны с событиями Дороги.

Наверное, у меня это получилось.

А через несколько дней нам удалось увидеть пришельцев живьем. Причем совсем близко.

В тридцати метрах от нашего штаба и в пяти от дороги росла шелковица, на которую мы «положили глаз» еще давно. Она неторопливо зрела среди густых кустов и, наконец, настал день, когда мы с Костяном оккупировали ее. Измазывая руки, рот и одежду, мы лакомились сладкими черными ягодами.

– Хочешь анекдот? – спросил я Костяна, тянущего к себе гибкие ветви.

– Ну?

– Пошли Шерлок Холмс и доктор Ватсон в поход. Лежат ночью, смотрят в небо. Холмс спрашивает: «А знаете ли, Ватсон, что означают эти звезды?» «Наверное то, что завтра будет хорошая погода.» «Вы, Ватсон, болван! У нас палатку сперли».

Костян рассмеялся и засунув в рот очередную ягоду шелковицы, сказал:

– Вообще-то я его уже слышал. Вот я тебе расскажу. В бункере у Гитлера продают кроссовки. Стоит очередь. Вдруг появляется Штирлиц, обходит всех, покупает первый и уходит. Все стоят такие офигевшие. И тут голос за кадром: «Они еще не знали, что героев Советского Союза обслуживают без очереди.»

Мой измазанный в шелковице рот растянулся в улыбке. Я сделал передышку в еде и, вытирая губы тыльной стороной ладони, похвастался:

– Мне, кстати, обещали к осени кроссовки для физры. Мама сказала, в «Спорттоварах» в конце августа обязательно выбросят.

– В кросочах нога плохо гнется, – возразил Костя. – Мне кеды больше нравятся.

– Зато в кроссовках можно по улице ходить, у них подошва классная, толстая.

– Ага, а потом физрук тебя за то, что ты без сменки в зал приперся...

– А я...

Не успев больше ничего сказать, я замер. Со стороны Сырой балки к нам приближался странный звук. Вернее несколько звуков в единой мешанине. Гулкое сухое урчание сочеталось с каким-то шипением и тоскливым скрипом, а все это покрывал бумкающий ритм, похожий на музыку, но... очень странную музыку.

Это мог быть только чужак.

Позабыв о шелковице, мы метнулись к ближайшим придорожным кустам. Через секунду источник странных звуков появился в поле нашего зрения. Это был довольно крупный автомобиль невиданного ярко-синего цвета. Формой он напоминал горбушку хлеба, положенную отрезанной стороной вниз. При этом создавалось такое впечатление, что на его кузове нет ни одного более-менее плоского участка, лишь выпуклости и впадинки, плавно перетекающие друг в друга. У меня возникла ассоциация с рельефным телом атлета. По верху крыши шли две серые штуковины, напоминающие ручки от холодильника. В углублениях передка скрывались небольшие овальные фары. Сквозь затемненные окна были видны по крайней мере два человеческих силуэта.

Автомобиль «хромал». Одно из его угольно-черных, словно натертых гуталином, колес, заднее левое, спустило практически до обода и это как раз и являлось причиной шипения и скрипа. А также совершенно естественного «пuff-пuff-пuff», знакомого многим водителям.

Мы с Костяном переглянулись и зорко впились в картинку происходящего. Автомобиль останавливался. Вот он мучительно проехал еще десяток метров и замер. Замер у противоположной обочины почти напротив нас! Двигатель смолк, ритмическая пульсация музыки осталась. Она была настолько невообразима, что я даже не мог бы ее описать, но при этом забойный ритм был ужасно заводным, под него хотелось прыгать в каком-то первобытном танце или хотя бы энергично кивать головой. Время от времени неведомый кто-то выкрикивал какие-то иностранные слова, давая понять, что это вообще-то песня.

Через миг открылась водительская дверь, сделав музыку качественнее, объемнее и сочнее. Я вообще поразился, что в автомобиле может стоять такая мощная техника. Из машины вышел молодой парень в облегающей красно-фиолетовой футболке и блестящих коричневых брюках с большими карманами на коленях. У иноземца были длинные, до плеч темные волосы. То, что было у него на ногах, описать иначе, как клоунские туфли мы не могли. Был 85-й, до понятия «стильных модных кроссовок» было наверное лет десять...

Вслед за длинноволосым парнем из машины вышла девушка в обтягивающих брюках и короткой, до пупка, блестящей блузке, имеющей эффектный вырез. Она была в ботинках на ужасающе высокой платформе, которые, впрочем, неожиданно модно смотрелись в сочетании со всем остальным. Волосы, красиво вьющиеся, но беспорядочно торчащие во все стороны, у нее были пшеничного оттенка с вкраплениями – для нас это было удивительным зрелищем – огненного на челке и медного на кончиках. Когда незнакомка, выйдя из автомобиля, повернулась ко мне в профиль, и ее стройная фигурка с большой грудью и круглым задиком обозначилась на фоне зеленых зарослей, у меня внутри что-то шевельнулось. Думаю, в тот день я испытал свое

самое первое в жизни возбуждение, и – не исключено – был в шаге от эрекции. Но прошло уже слишком много лет, чтобы я мог сказать об этом наверняка.

Секунду спустя из автомобиля появился и третий чужеземец, невысокий шатен, с короткой стрижкой ежиком и густыми бакенбардами. Одежда его состояла из смешных широких штанов, доходящих до середины голени и белой безрукавке в мелкую дырочку, а большую часть лица скрывали зеркальные очки в золотой оправе.

Все трое обошли вокруг машины и выстроились в ряд перед спустившим колесом.

– Дэн, тащи подъемник, – распорядился длинноволосый. – И бздюзер. Лиз, страви громкость.

Девушка послушно нырнула в салон, и музыка стала немного тише.

– Это на проходной точке или уже на территориях? – спросила она, вернувшись. Голос у нее оказался очень звонкий и мелодичный.

– Не знаю. Это как бы не полторушные проделки, – пробубнил рыжий, роясь в багажнике. – На последнем переходе вектор заметили?

Они говорили по-русски, но мы ничего не могли понять из их разговора. К тому же мешала сотрясающая воздух музыка. И все-таки, полагаю, текст был примерно таким.

Дэн извлек из багажника какую-то продолговатую конструкцию, больше похожую на цилиндр с подставкой и рукояткой, чем на домкрат, который мы ожидали увидеть, и штуку, очень напоминающую огнетушитель (только баллон огнетушителя считался у нас по определению красного цвета, а этот был бледно-голубым). Первое устройство было положено на землю слева от пробитого колеса. Несколько движений рычагом вверх-вниз – и автомобиль был поднят над землей. Никаких камешков под колеса, обычно подкладываемых шоферами в таких ситуациях, чтобы машина не сдвинулась, никто не клал.

Но что поразило нас еще больше – поврежденное колесо иноземцы вовсе не собирались менять на другое. Баллон, названный ими «бздюзером» был за мгновение подключен к ниппелю. Какие-то непонятные манипуляции, сопровождаемые шипящим клокотанием – и колесо вскоре начало медленно, но верно надуваться. Мы с Костяном были поражены таким технологиям!

Пока мужчины занимались ремонтом, их спутница, достала с пассажирского сиденья сумочку и выудила оттуда вначале зеркальце, а потом какой-то маленький кубик то ли конфеты, то ли жевательной резинки. Содержимое яркой обертки отправилось в рот, а сам фантик, скомканный небрежным движением, полетел за обочину. Потом девушка бросила взгляд по сторонам.

– Вик, в этом районе большая бит-проходимость? – спросила она у брюнета.

– Двенадцать-тринадцать кси примерно. Надо в лоции смотреть.

Несколько секунд они вдвоем оглядывали окружающее пространство, будто только сейчас обнаружили, где оказались. Потом Дэн провозгласил:

– Почти готово!

Рычаг подъемника в его руках снова совершил несколько движений, и их авто тут же оказалось на Дороге на всех четырех колесах. Ремонтное оборудование было мгновенно уложено в багажник. Странная тройка уселась в машину. Почти неслышно хлопнули двери. Мотор взревел, и через миг уже ничего не напоминало о том, что сейчас на Федюхинском шоссе останавливались пришельцы из неведомых миров.

Почти ничего.

Едва синий пришелец со своей странной музыкой и удивительными приспособлениями скрылся за поворотом, Костян рванул на Дорогу. Хоть мне совсем и не хотелось этого, я последовал за своим другом. Мы бегло осмотрели место ремонта, не найдя на асфальте ничего интересного. А потом Костян принялся обшаривать близлежащие кусты. Что он ищет, по правде сказать, я понял не сразу, а потом вспомнил о выброшенной чужестранкой по имени Лиз фантике. Костян нашел его через пять минут, когда мне уже стало не по себе от пребывания на Дороге. Нет, объективно ничего не происходило и за все это время не проехало ни одной машины, но их нервное ожидание... Мне вспомнился черный автомобиль, его странный водитель, лишивший памяти Батоновскую компанию и я почувствовал себя букашкой под чьим-то увеличительным стеклом, не иначе. Уйти с Дороги и спрятаться в безопасности орехового штаба захотелось нестерпимо.

– Вот он! – Костян царапая руки о колючки, вытащил на свет разноцветный бумажный шарик, понюхал его, потом принялся осторожно распрямлять. Испачканные в шелковице руки были предусмотрительно и беспардонно вытерты о шорты.

– Костя, давай уйдем отсюда, а?

– А? – Мой друг был явно увлечен находкой через край и не чувствовал от пребывания на дорожном полотне никакого дискомфорта. Он вообще в этом плане был более толстокожим. – Уйдем? Да, пошли.

Мы вернулись на обочину и уселись под нашим орехом. Все неприятные гнетущие ощущения как рукой сняло.

– Смотри! – Костян протянул мне трепетно разглаженный прямоугольник.

Я принялся разглядывать загадочный фантик. Красно-зеленый узорчик по периметру. Изображение какого-то странного фрукта, похожего на фиолетовую грушу, прикрытую листиком акации. И серебристые символы, которых мы никогда не видели. Они напоминали смесь греческих букв и арабской вязи, но не являлись ни тем, ни другим. Одно слово было крупнее и заключено в звездочки, остальные поменьше и располагались столбиком внизу рисунка. Позднее Костян перерисовал эти символы с фантика и показал одному соседскому парнишке, что учился в соседнем городе на факультете иностранных языков (домой он приехал на каникулы). Тот просто развел руками. Такого языка не существовало на свете. Разуется, парень мог и ошибаться, будучи самым обыкновенным студентом, но, мне кажется, убеленный сединой профессор в области лингвистики сказал бы то же самое.

Отдельно увиденная нами троица вполне могла быть пришельцами из будущего, но фантик... фантик был явно из другого мира. На основании этого можно было и объявить версию о иных мирах окончательной, если бы с другой стороны не музыка, игравшая в их машине... Через много лет, году этак в 98-м или 99-м, я услышал ее по радио и меня словно обухом по голове шандарахнуло. «Voodoo People» «Prodigy»! Как вам? При мысли, что мы в далеком 85-м слушали модную музыку конца века, мне, если честно, до сих пор становится не по себе, и по телу начинают бегать мурашки.

Такие вот дела.

А пришельцев так близко мы больше не видели. Хотя...

Сейчас, когда мой рассказ уже перевалил за середину, мне вспомнился еще один случай. Я до сих пор не знаю, связано ли это наверняка с Дорогой или нет. В случае если связано, накручивается весьма страшное кино. Страшное не только для окраинного шоссе, но и для всего нашего маленького Белчевска времен Союза.

Дело в том, что у нас на Дороге, похоже, взорвали одного из чужаков.

Совершенно не помню числа, когда это было, но то, что в среду – это точно. На следующий день ехал наш белый пикап, вот я это и запомнил.

Очередной день в окрестностях Дороги подходил к концу. Полакомившись недоспелой кислющей сливой, мы бродили по округе в поисках еще чего-нибудь съестного, когда нам встретился этот человек.

На вид он был совершенно обычный, у меня и мысли первоначально не возникло, что он может быть чужаком. Лет около сорока. Невысокий. Худощавый и жилистый. Волевое сухое лицо с тонкими дугами бровей. Нос с небольшой горбинкой. Почти лысая голова, красная от долгого пребывания под солнцем. Одет незнакомец был в холщовые штаны, перепопсанные широким ремнем и такого же материала куртку с закатанными рукавами, со множеством карманов, одетую на голое тело. На плече болтался маленький неприметный рюкзак. Если забыть про то, что куртка, даже если под ней ничего нет – не очень удобная одежда для тридцатиградусной жары, то во всем остальном это был типичный заводской работник или ремонтник из ЖЭКа. Костян потом, когда мы обсуждали этот случай, сообщил, правда, что заметил еще у этого человека выглядывающие из кармана темные очки странной необычной формы. И на поясе у него вроде бы висело что-то, что могло сойти за рацию. А могло и не сойти.

В целом же, я повторяю, он был совершенно обычный. Потому мы совсем не испугались, когда он неожиданно вышел из кустов. Мужчина бросил на нас безразличный взгляд и зашагал вниз по склону по направлению к дороге. Мы проводили его взглядом и через пять минут про него забыли.

А потом, вечером того же дня, случилось это...

Мы возвращались домой, проведя еще один день в окрестностях Дороги. Начинало смеркаться. Летние сумерки взяли в плен холмы. Дневная жара неохотно уходила, подгоняемая легким ветерком. Пылал багрянцем закат. Зажигались первые звезды. Оркестры цикад выводили свои стрекочущие симфонии. Один или два раза над нами рассекли воздух перепончатые крылья летучих мышей.

Мы поднялись на вершину последнего холма и становились. Впереди тонкая тропка вела через пустырь к парку, за которым уже искрились огоньками ближайшие дома. Справа в отдалении темнело здание нашей школы, прикрытое забором спортплощадки – мимо нее мы ходили всю весну, пока не устроили себе штаб на орехе. А дальше, за всеми этими знакомыми с детства постройками тянулся город, присыпанный пудрой электрического света, на который мы любили с Костяном порой любоваться. Уже через пять лет в отношении электричества в Белчевске все изменилось – пока умные дяди разваливали страну, окраинные улицы и дворы надолго утонули во тьме. Да что там улицы! Разве в какой-нибудь цивилизованной стране есть понятие «планового всеерного отключения света»? Энергетический кризис, кризис власти... До погрузившихся во тьму улиц и дворов никому не было дела, кроме местных жителей. Но им-то что оставалось? Охать, да вспоминать, как это было раньше... Например, в том же 1985-м...

Летучая мышь снова пронеслась над нашими головами. Костян проследил за ее дерганым полетом. Потом бегло оглядел нас.

– Жаль, что у нас майки не белые. Можно было бы поймать.

– Как? – поинтересовался я.

– Легко. Заворачиваешь камень в белую майку и кидаешь вверх. Летучая мышь в эту штуку вцепляется и падает.

– А, по-моему, бред! Чего ей на тряпку кидаться?

– Так она ж на белое реагирует, – сказал Костян и слегка замялся. – Так говорят...

Мы вновь тронулись в путь, но спустя миг знакомый шум заставил нас броситься обратно к склону.

По извилистой нитке дремлющего внизу шоссе ехал большой белый (или каких-то светлых тонов) автомобиль. Он был угловат и степенен, и было в нем что-то от машин представительского класса вроде лимузина. Дорогу перед ним освещали две пары голубоватого оттенка фар. Мне почему-то пришло на ум окрестить его, как и самую первую свою увиденную на шоссе машину, крейсером.

Только вот «крейсеру» была уготована недолгая жизнь. Когда он скрылся за поворотом, блеснула яркая как молния вспышка, и прозвучал разорвавший вечернюю тишину хлопок, который эхом пробежался по холмам. Через секунду прозвучал повторный взрыв, уже не такой громкий. Потом все стихло, лишь огненное зарево заполыхало где-то за деревьями.

Мы с Костяном испуганно переглянулись. Было совершенно очевидно, что беда настигла угловатый белый лимузин. Мне показалось, что зарево полыхает именно в той области, где чужаки пропадают, проходя через какие-то неведомые врата. Возможно, переход этот сопряжен с некоторой долей риска или случилось что-то еще – в тот миг нам было не до оригинальных версий.

Я посмотрел еще раз на Костяна и вдруг почувствовал, что, не смотря на страх, он сейчас может рвануть туда, где все это произошло. Я жутко напрягся, но, Слава Богу, мой друг проявил достаточную рассудительность и остался на месте.

Как я потом догадался только из-за меня.

Мы постояли еще с четверть часа, пока не погасли последние розовые отблески. За все это время непрочную тьму, в которую погрузилась Дорога, не нарушил ни один огонек. Мы почти не разговаривали, и про себя скажу, что сердце мое еще никогда так не колотилось. У меня подрагивали колени, и ужасно пересохло во рту. Мне хотелось бежать от Федюхинского шоссе сломя голову, но я очень не хотел выглядеть перед Костяном трусом.

Наконец Костян тоскливо вымолвил: «Ну... пошли, что ли?» и мы отправились домой.

А утром ни свет, ни заря мой друг в одиночку предпринял вылазку в район катастрофы. Он был там уже в семь часов. Вот только дорога была пуста. Он не нашел никаких обломков «белого крейсера», его обгорелых частей или чего-то еще. Единственное, что было в том месте за поворотом – это темная маслянистая лужа на асфальте и почерневшая трава на обочине. Причем

почерневшая только в одном месте – было удивительно, как при нашей июльской жаре и засухе не вспыхнула вся лесополоса.

Все. Пятно и обугленная трава. Больше о вчерашней аварии или катастрофе ничего не напоминало.

Весь день мы обсуждали происшедшее. Вспомнили и того сухощавого мужичка с рюкзаком. Помню, как Костян сказал:

– Вот теперь, Лешка, самое время для твоих диверсантов.

Я аж растерялся.

– Ты думаешь, тот... он подложил на дороге мину?

– Мне кажется, что он в этом замешан. В том лимузине ехал наверняка кто-то из высокого начальства или из мафии, а таких всегда кто-то хочет убрать.

– Начальства? – не понял я. Признаться, мой кругозор в области жизни был в те годы не очень велик.

– Ну не нашего же начальства! – уточнил Костян и добил меня уж и вовсе неведомым знанием, – Слышал, как застрелили президента США Кеннеди?

Я, конечно, не слышал. Я много о чем не слышал или не знал. Но одно я понимал точно: дорога – это явление совсем иного, высшего уровня. Нам нечего соваться к ней с нашими жалкими наблюдениями и выводами, с той иллюзией знаний, что мы накопили. Причем дело даже не в нашем возрасте, просто Дорога... Она живет по другим законам и играет в свои игры, о которых мы не имеем ни малейшего представления. И мы можем лишь взирать на это со стороны. Причем желательно с безопасного расстояния.

Я много раз пытался сказать все это Косте, но так и не сказал.

Вряд ли это что-нибудь бы изменило.

27 июля мы праздновали день рождения Кости. Праздновали, впрочем, громко сказано. Отчим Кости вторые сутки был в запое, а потухшая мама измученно вручила ему в подарок новую рубашку и школьный набор с циркулями, именуемый в народе готовальной. Этим все торжество и ограничилось

Разумеется, это было неправильно. Потому праздник мы с другом решили устроить себе сами. У Костяна в копилке набралось с полтинник мелочи, а еще моя мама сказала, что если мы проведем «Операцию «Хрусталь» и освободим ее кухню от пустой посуды, то нам будет позволено взять себе вырученные деньги. Нагрузившись двумя авоськами, мы радостно потопали аж в гастроном «Солнечный» – там можно было сменять наши бутылки на товар на несколько копеек выгоднее. Так как мы все равно хотели взять себе сладостей и лимонада, это нас вполне устраивало.

День был безоблачный и жаркий. Горячий ветер трепал нам волосы (хотя по указке мам они должны были быть скрыты головными уборами). Сандалеты на босу ногу озорно хлопали по раскаленному асфальту.

– Куда пойдем потом? – спросил я, не сомневаясь, что Костян ответит про штаб на орехе, но он удивил меня.

– Пошли в парк, на горку, где мы зимой на санках катались.

Я оторопело посмотрел на своего друга, словно спрашивая, что случилось с человеком, помешанном на Дороге и едущих по ней Машинам. Но даже если бы не это накрывшее меня изумление, я бы, наверное, вряд ли обратил внимание, что Костян сказал «катались» вместо «катаемся». Случайность. Или «оговорка по Фрейду», как мы любили прикалываться в институте.

– Ну, что смотришь так? Ну, я просто предложил. Не хочешь – пойдем в другое место.

– Да я не против. Просто... Ты меня удивил этим. А как же Дорога?

– А она никуда не денется, – неожиданно улыбнулся Костя, он даже засветился изнутри от этой улыбки, – Она теперь от меня никуда не денется!

Он свободной рукой легонько стукнул меня в плечо и почти побежал, неуклюже размахивая авоськой. Бутылки противно заскрежетали.

– Давай быстрее, черепаха, а то все вкусное разберут.

– Смотри, не разбей, именинник!

Но плевать ему хотелось на мои предостережения.

Мы обменяли пустые бутылки и почти всю имеющуюся мелочь на два пломбира, сто грамм каких-то леденцов, корзиночку, эклер и две трубочки. Около прилавка с прохладительными напитками мы ненадолго зависли, выбирая между тремя легендами нашего детства – лимонадом, «Дюшесом» и «Тархуном». Последний был, правда, на 5 копеек дороже и на две бутылки нам уже не хватало. Поэтому выбор был сделан в пользу «Дюшеса».

Перед входом в парк мы потратили последние медяки на газировку с сиропом из автомата и, счастливые, отправились вперед по центральной аллее. В парке было немного прохладнее. С утра газоны освежили фонтанчики-поливалки, и теперь здесь витал аромат каких-то цветов и недавно скошенной травы. Играли дети – и маленькие, за которыми присматривали зоркие мамы и бабушки, и постарше, оккупировавшие качели и слегка перекошенную вертушку в виде ромашки. Пара пенсионеров на лавочке под платаном играли в шахматы. Из наших знакомых никого не было видно. Хорошо это или плохо, сказать было трудно. С одной стороны, раз уж мы прервали свое конспиративное бдение у Дороги, было бы неплохо встретить приятелей (желательно с футбольным мячом) и побеситься в честь Костиного дня рождения. Но с другой стороны – об этом напомнил живущий внутри маленький червячок жадности – тогда пришлось бы делиться кусняшкой.

Без приключений мы дошли до поросшей елками горки, где зимой прокладывалась саночная трасса с настоящими виражами и трамплинами. Выбрали место в тени с хорошим обзором всего парка и выложили на клочках упаковочной бумаги купленное. Да, тем, кто помнит эти романтические пикники на таких бумажках или газетах в 80-е – большой привет. Куда там буржуям с их корзиночками для еды, целлофановой упаковкой, или переносными холодильниками!

Как там в старой песне у «Любэ»: «Кто сказал, что мы плохо жили!? Ша!»

Сейчас, когда я напрягаю память в попытках вспомнить тот день, он предстает перед моим взором почему-то как цветная фотография 80-х годов – поблекшая, красноватая, раритетная. Возможно, такие еще хранятся в ваших фотоальбомах, если вы еще не полностью забыли, что такое фотоальбом, перейдя на формат JPG, MP4 или DVD. У меня на такой запечатлено принятие в пионеры и ноябрьская демонстрация, на которой мы передовым отрядом проходили с флагами. Веселое время...

Бледно-голубое небо, залитый ослепительным солнечным светом парк, серый раскаленный асфальт, коричневатый ковер из хвои под нами, две искорки солнца в темно-зеленом стекле бутылок и даже изумрудная листва деревьев – все это осталось в моей памяти какое-то неяркое. Не так как у Дороги. Не знаю почему. Но сейчас это и не имеет особого значения.

Под елками я вручил Костяну свой подарок – я специально ждал этого момента, когда он возьмет в руки бутылку «Дюшеса» и начнет хлопать себя по карманам в поисках импровизированной открывалки. Я протянул другу карабин с цепочкой, на противоположном конце которой болтался хитрый такой ключик, в ручке которого были отвертка, консервный нож и пара шестиугольных отверстий под гайки разных размеров. Вернее, ключиком эта штука могла бы стать, если отдать ее мастеру, который нарежет на нем нужные хозяину бороздки. Подарок был собственноручно собран мной. Самое главное, конечно, заключалось в карабинчике – я отыскал его среди старых вещей отца, который когда-то занимался с дедом охотой. Почистил, отшлифовал, прицепил давно хранимые в собственных безделушках цепочку и ключ, которым сейчас Костян ловко открывал бутылки.

– Спасибо, Леха, классная штука, – пробка с легким шуршанием ускакала в кусты. Костян проследил за ее маневром, раздумывая, подбирать ли ее, или это не считается мусором в общественном месте.

– Ты давай поаккуратнее, чтобы мы еще смогли сдать эти бутылки.

– Само собой!

Открыв второй дюшес, Костян извлек из кармана шортов два своих ключа и привесил на колечко. Улыбнулся во весь рот.

– Спасибо.

Я видел, что он и вправду доволен. Это был один из самых приятных моментов того дня. Хотя замечательным был, по-моему, весь тот день, хотя далеко не все темы разговоров были по-детски беззаботны. Мы вырастали. Костян отметил свое двенадцатилетие, мое ожидалось осенью. Еще немного – и мы шагнули бы вместе дальше: в отрочество, юность. Мне кажется... Нет, я уверен, наша дружба продолжалась бы и дальше. Если бы не Дорога. Но впрочем, что сейчас об этом...

– Костя, с Днем Рождения!

Мы неумело чокнулись бутылками, они отозвались озорным стеклянным звоном.

– За тебя!

Мы выпили успевшую нагреться шипучку, изображая, что это что-то взрослое – пиво или вино, а может даже иностранный коктейль с виски. Закусывали корзиночкой, которую кусали по очереди.

– Прикинь, Костян, через несколько лет ты позовешь меня на свое совершеннолетие. И будем мы с тобой пить какой-нибудь мускат там, или коньяк...

– Не, – Костя слегка изменился в лице, отвернулся и отрешенно вперился взглядом в даль.

– Не буду я пить. Не хочу как отчим...

Я сорвал засохший колосок и задумчиво погонял его между ладоней. Знаете, кладете его между двух сложенных лодочкой ладошек, а потом двигаете ими чуть-чуть относительно друг дружки, и колосок ползет в направлении своего острия. Детские забавы.

– Интересно, почему так? – спросил я задумчиво. – Мой отец может по праздникам пропустить несколько рюмок и это как бы вроде... Ну, не является у нас чем-то таким... Он не лезет драться, наоборот начинает рассказывать всякие веселые истории. Ну, мать ворчит на него, если он долго в таком суетном состоянии спать не ложится, а вообще... ничего. И редко это, в общем-то, случается.

– А у меня вот... Алкаш, и все дела!

– Ну, все равно фигня, – я попытался хоть как-то поднять другу настроение, – закончишь школу, и будет он тебе не указ. Работать пойдешь или учиться. Нет, вместе пойдём! Всего достигнем.

Костян задумчиво отхлебнул из бутылки. Сейчас он выглядел совсем уж повзрослевшим. Взгляд его синих глаз, направленный вдаль, через несколько лет мог начать сводить с ума девочек. Линия подбородка чем-то напоминала мужественные лики передовиков производства с плакатов. Я рядом с Костяном вообще не смотрелся – круглый и несуразный, с торчащими ушами и маленьким курносый носом.

– Не, Леха, не все так просто, – наконец после некоторой паузы сказал Костян. – не стать нам никем таким... особенным, знаменитым... Не из того мы слоя, я уж точно.

– Ну что, скажешь, нет среди знаменитых людей выходцев из рабочего класса?! Ты чего! Артисты знаменитые, ученые, дипломаты! А космонавты!? Ну!?

– Эх, Лешка, чтобы вот так с нуля считай подняться, столько сил приложить надо, таким умным и упорным быть, что только редкие исключения на такое способны. Гении. А мы с тобой совершенно обычные.

– Костя, – я отставил в сторону «Дюшес» и, загибая пальцы, принялся его переубеждать, – ну, смотри. Мы заканчиваем школу. Поступаем в институт. Получаем там какую-нибудь важную профессию...

– И что? Ну, будешь ты... ну, например, инженер-машиностроитель. Ну, лет через двадцать, если конечно проработаешь все на одном заводе, станешь каким-нибудь бригадиром, или этим... начальником отдела. Не, цеха. Дадут тебе квартиру. Будет у тебя жена и дача. Вот и все счастье.

– Ну, а чего плохого в даче? – Я знал, что говорю не то, и в голове роились тысячи разных мыслей, но мой язык сам вступал в разговор. – Хотя, машина конечно лучше.

– Да не о том я вообще-то... – Костян вздохнул и нервно разломал напололам эклер. Неравноценно разломал, замечу.

– А о чем?

– Да вот про то, что я навряд ли куда-нибудь вообще поступлю. Ну, окончу там технарь, или ПТУ. Отслужу. Получу работу, и вся жизнь моя будет проходить по маршруту «дом-работадом». Появится жена, потом дети (при этих словах я прыснул – я совершенно не представлял

Костяна в роли отца, да и вообще среди пацанов разговор про то, что «я вообще жениться не собираюсь!» был обычным делом). Я буду забивать козла во дворе, пить вино – хорошо, если только по праздникам. Буду чинить утюги и табуретки, как вон мой сосед. Ругаться с женой и поучать ребятенков. Ну, Леха, разве это жизнь!? Я в одной книжке прочел про такую вот жизнь: «скучный спектакль с грустным концом».

Скучный спектакль...

Я отобрал у Костяна половинку эклера (уж не помню, большую или маленькую) и, испробовав лакомое творение кулинаров, с досадой спросил (мрачные настроения Костяна начинали уже меня злить):

– Ну а чего ты хочешь сам? Какое дело было бы тебе интересным, какая жизнь?

Ответил Костя почти без запинки.

– У путешественников интересная жизнь. Они везде ездят и видят все новые и новые страны, города. У настоящих исследователей-первооткрывателей, которые за звездами наблюдают и землетрясения учатся предсказывать. У летчиков. У тех, кто бороздит моря за штурвалом корабля. Да мало ли! Только не сидение на месте из года в год!

На это в принципе мне нечего было возразить. Раньше я и не думал, что мой друг настолько амбициозен (слово не совсем точное и совсем не детское, но уж какое есть). Это не изменило моего отношения к нему. Я просто, наверное, еще был не в состоянии понять образ мыслей Костяна, того, что им движет. Что поделал, есть люди, которые всю жизнь стремятся к звездам и ни на минуту не устают думать про путь наверх, а есть такие как я, которые довольствуются малым – урожаем на любимом вишневом дереве или пятерками в дневнике сына.

Причем нас, вторых, гораздо больше. Гораздо. Но первые движут человечество вперед.

Я доел свой кусочек эклера и облизал пальцы. Знал, что не верю в эту детскую чушь, но процитировал:

– А как же: «Все профессии равны, выбирай на вкус»?

Костян скривил улыбку, и завалился на спину, ничего не сказав. Некоторое время мы молчали. Потом он сказал:

– Водитель в принципе еще ничего профессия. Но только чтобы не на стройке камни и мусор возить. А подальше, поинтереснее.

– Вот видишь, – подхватил я, – есть все-таки интересные и доступные профессии!?

– Ну, если ты считаешь, что сдать на права и стать дальнобойщиком легко...

– Кем-кем?

– Дальнобойщики – это те, кто водят большие грузовики. Они возят грузы между городами, а некоторые даже за границу ездят.

– И откуда ты все это узнал?

– Прочел...

– О! «Прочел!» Ты же можешь писателем стать!

– Чего? – Костян ехидно уставился на меня, – Да, ну, Леша, то, что я люблю читать про всякое интересное, это же ничего не значит.

– А сочинения как же? А фантазия у тебя...

– Ой, насмешил, – Костян и вправду начал улыбаться, – Скажешь тоже. Писатель Костя Бронников. Ой, как смешно... Блин, и с чего ты это вообще придумал?

Я скромно пожал плечами.

– Ты мог бы сочинить повесть про нашу дорогу.

– А про что писать? Ничего ведь не происходит. Нет этого... этих... развязки, кульминации. Просто ездят чужие машины из другого мира, – он еще раз повторил, – Чего писать-то?

– Не знаю... – сразу замаялся я. – Просто... Очерк.

Кто бы мог предположить, что поведать про все, что с нами тогда происходило, выпадет мне. А завязку, кульминацию и развязку, какими бы дохленькими они не были, подарил мне сам Костя. Своей судьбой.

Мы еще долго сидели в парке, разговаривая на разные темы. Я пытался сломить мрачное настроение Кости по поводу своего будущего, и мне это вскоре удалось. Ну и вправду, разве можно печалиться в такой день!? Двенадцатилетний пацан был уверен, что нет. Это я вот теперь

с грузом прожитого за спиной понимаю, что день рождения – это еще и отсчет убывающих лет твоей жизни и без грусти не обходится ни один такой праздник.

Тот день был чуть ли не единственным в то лето, когда мы оставили Дорогу в покое (или она оставила в покое наши души). Мы сбегали, сдали пустые бутылки и сделали по нескольку выстрелов в тире, что находился около летнего кинотеатра. А ближе к вечеру мы разыскали нашу дворовую компанию и присоединились к футбольному матчу. Играли на школьной спортплощадке до темноты. Костян был в ударе и забил за всю игру не меньше пяти мячей. А я разбил коленку.

Кому-то звезды, кому-то земная твердь. Вот так.

В первых числах августа случилось то, что во многом, если не во всем, предопределило дальнейшее развитие событий. Каким-то образом Костян раздобыл в библиотеке книгу, которая по непонятным, но явно идейным соображениям, не выставлялась на общую полку и уж, конечно же, ее не давали детям. Не знаю, что уж там было такого антисоветского, в этом сборнике фантастики, но из песни, как говорится, слова не выкинешь. Из заграницы до нас доходили лишь те вещи, в которых прослеживалась явная антивоенная тема, или, на худой конец, стерильные в отношении политики сказочки. Переводимых авторов можно было пересчитать по пальцам. Через несколько лет ситуация кардинально изменилась, но тогда... Эх, 85-тый!

– Тебе обязательно нужно это прочесть, – Костя вручил мне книгу, которую сам перечитал уже два раза и почти всю ее мне пересказал. – Только у тебя время до послезавтра. Мне ее отдать нужно. Но ты легко успеешь.

Я взял заветную книгу в мягкой обложке, заботливо обернутую старыми «Известиями». Два или три больших произведения, несколько рассказов. И культовая (ах, какой чудной термин!) вещь среди всего этого. Только одна.

Железны. «Знаки дороги».

– Время – это Дорога, – рассказывал мне Костян после первого прочтения, когда он с горящими глазами разыскал меня утром, несущего молоко и сметану из гастронома. – Понимаешь, она проходит сквозь века, берет начало с самых древних времен и теряется в будущем. Некоторые люди могут по ней путешествовать и попадать в любое время и место. Как?

– Ты думаешь, – снисходительно начал я, – что Федюхинское шоссе...

– Нет, вовсе нет, – перебил меня Костя. – Та Дорога, что в книжке – она особенная, необычная. Над ней всегда бледно-голубое небо и золотистая арка.

– А арка откуда?

– У-у! Я сам не сразу понял. Это солнце. Они путешествуют как типа в машинах времени. Быстро, в общем. Вот движение солнца на небосклоне и сливается в одну линию.

– Ни фиги себе! – выдохнул я.

– Ага. Так вот. Из обычного мира на ту Дорогу ведут засекреченные тропы, о которых почти никто не знает. Мне кажется наше шоссе – это и есть такой маленький участок на пути к той Дороге, – он так и сказал – не к «такой», а к «той». – Хочешь, я тебе прочту?

Он принялся на ходу листать заветную книгу.

– Вот... Да, здесь. «Дорога была здесь всегда, и те, кто по ней путешествует, тоже были всегда. Мир продолжает существовать, и Дорога существует – со дня творения до конца света»

Я тормознул и уставился на друга. Разница между «такой» и «той» не давала мне покоя.

– Костя, но в книжке – это ведь фантастика!

Костя задумался лишь на мгновенье.

– Но ведь так все сходится!

На это я не нашелся ответить.

Начинали мы этот разговор чуть меньше недели назад, а сейчас так взбудоражившая Костю книга лежала у меня на подоконнике. По правде сказать, мне не очень хотелось читать уже и так доставшую обсуждениями историю про какого-то Рэда, какую-то Листву и каких-то Драконов Белкви-чего-то там. На мой взгляд, Костян уж чересчур увлекся этим сочинением. А когда он осознал, что роман с реальностью связывает еще и пикап (правда, в книге голубого, а у нас белого цвета), на котором ездил главный герой, то его увлеченность, пожалуй, переросла в манию, остановить которую я был не в силах.

Роман я так и не дочитал. Во-первых, стиль повествования этого Железны был не из легких. Он то и дело перескакивал с действия на действие, почти ничего не объяснял, вводил диалоги и сцены с неизвестно откуда взявшимися персонажами, требовал много домысливать. Костян с этим справился, мне же было трудно.

Во-вторых, заглянув в книжке дальше, я обнаружил вещи поинтереснее. Признаюсь, я изменил «Знакам дороги» в пользу «Почти как люди», романа Клиффорда Саймака, хотя то, как охотились за главным героем Доракином, меня увлекло. Но вот описание драк при этом мне совсем не понравилось, сцены начинались и обрывались резко и непонятно. Так что знакомство мое с людьми, способными перемещаться по Дороге, кончилось примерно за треть до финала.

Я не сказал про это Костяну. Просто вернул книгу как он просил.

– Ну, как? – Спросил он.

Мы сидели на нашем весеннем месте – Наблюдательном Холме – и следили за воздушными пируэтами маленького ДОСААФовского самолетика, барахтающегося в светло-голубом небе. Он то взбирался вверх по плавной дуге, в конце делая «кобру», то срывался вертикально вниз в «штопоре», делал «бочку», пикировал к холмам на противоположной стороне шоссе и снова поднимался ввысь. Один раз решился на «мертвую петлю». В принципе его появление над нашим районом не было редкостью, но на этот раз он что-то разлетался. Рев мотора переливался в небесах, то смолкая, то нарастая натужным рокотом. Солнце играло на крыльях и фюзеляже. Но смотреть долго в сияющее полуденное небо было невозможно.

– Так как книга-то? – переспросил Костян, подкидывая на ладони пару камешков.

– Да запутано все так... Читать трудно.

– Да, это тебе не Крапивин. А сама идея?

Ну, разумеется, это был не Крапивин, книжки которого я читал легко и охотно. А про идею... Ну что я мог сказать про идею?! Хорошо хоть Костян поставил вопрос именно так, а не спросил, верю ли я что наша Дорога имеет реальное отношение к книжной? Потому, что я не верил.

– Не знаю, Костя. Может у этой выдумки и есть что-то такое...

– Хм! Что-то?! Такое совпадение, а ты «что-то»!

– В том-то и дело, что просто совпадение.

– Совпадение по всем пунктам, я хотел сказать. Даже про пикап...

– И что ты хочешь сказать?

– Что знал писатель этот про что пишет. Есть такое на свете.

– Может, он и бывал на ней? – с ехидством спросил я.

– Кто?

– Да писатель! – Я начинал злиться. – Костя, но ведь ты должен понимать, что вся фантастика – это все только выдумка! Если писатель обычный, то он, конечно, пишет о том, что пережил – помнишь, нам Зоя Федоровна, рассказывала? – и то не всегда. А писатели-фантасты они все сами придумывают. Как Кир Булычев.

– Ну, может, этот писатель тоже взял за основу какое-то реальное, но не известное обычным людям знание.

– Про Дорогу, которая связывает все времена, и на которую существуют тайные въезды?

– А что?

– Ничего! Ты представляешь – тогда весь мир... Он же окажется по-другому устроен!

– А что, разве мы не видели машин, которые исчезают за поворотом? Бесследно исчезают?

Необычные машины, неотсюда. Разве это не доказательство?

– Да я же не спорю. Есть машины. Но Дорога, по которой можно попасть в будущее и прошлое...

– А что?

– Ну... Пусть лучше будут параллельные миры. Случайный прорыв там и все такое. Не так... не так крупно... солидно...

– Глобально, – подсказал мне Костян, с едва уловимой усмешкой глядя в глаза, а потом рассмеялся, – Леха, а какая разница? Глобально или нет... Важно, что это есть. Что-то такое запредельное. Это есть у нас.

Он махнул рукой на дорогу и по-дружески потрепал меня по плечу. В прищуренных глазах светилась обычная мальчишеская гордость, но было там что-то еще, что мне не понравилось. А от следующей фразы мне вообще стало не по себе.

– Наша дорога – это словно дверь. Важно, что она приоткрыта, а уж что за ней – одна комната или коммуналка – это уже дело второстепенное.

Помнится, на это я ничего не ответил, но в душе почему-то закололо остро и тоскливо. Хотя, может, виной тому был самолетик в небе, пошедший на вторую мертвую петлю.

Последующие дни августа мало что изменили в нашей жизни. Дни стали немного короче, ночи прохладнее, школа ближе. Мы объели немногочисленные окрестные плодовые деревья и стали охотиться в зарослях ежевики. На дороге все так же ездили машины. В смысле необычные машины. Ездили не часто, в общем-то, как и раньше. В какой-то из четвергов мы стали свидетелями того, как наш неизменный полуденный пикап тащит на буксире переливающуюся всеми цветами радуги машину, формой напоминающую первые кузовные машины 30-х годов. Лидером в номинации «суперстранный» стал автомобиль с тремя колесами (два спереди, одно сзади!) и фарами на тонких выдвижных усиках.

Костян угомонился со своими литературными совпадениями, и, как мне показалось, угомонился вообще, в плане Дороги тоже, но произошло это скорее из-за того, что отчим его пошел в отпуск и у них пошла новая волна конфликтов. Не раз Костян был вынужден выполнять какую-нибудь бестолковую домашнюю работу под руководством успевшего приложиться к бутылке «папаши». Драил полы, мотался по каким-то поручениям. Бывало, что и вообще его не выпускали на улицу. В такие дни я чувствовал себя покинутым и одиноким, хотя пребывание целыми днями в нашем штабе раньше наталкивало меня на мысль, что иногда и от лучших друзей требуется отдых.

А потом я заболел, примерно в середине августа – не помню, из-за чего это случилось. Ангина, насморк, кашель. Теплое молоко с медом, компресс на горле, хлористый кальций ложками, полоскания и ингаляции. Болеть – это ужасно. Особенно в детстве. Особенно летом. Два или три дня я попросту валялся в кровати, чередуя телевизор со сном, лечебными процедурами и старыми журналами, которые я любил перелистывать. Как раз тогда мы выписывали их очень много – «Пионер», «Костер», «Юный техник». Взрослые, но тоже очень интересные «Техника – Молодежи» и «Вокруг света». Зимой у нас с Костяном копание в этой макулатуре наряду с электрическими опытами было одним из любимых занятий. В общем два-три дня полностью постельного режима и еще столько же до момента, когда я был выпущен на улицу в полном объеме. Костян за все это время забегал ко мне несколько раз, звонил. Сам он, конечно же, проводил время у Дороги, если не был запряжен какими-нибудь домашними делами. Все шло своим чередом. Никаких новостей не было, да я их и не ждал, если честно.

Наконец, в один из вечеров, я позвонил Костяну и сказал, что завтра утром я зайду за ним как и раньше. В ответ я получил предложение подъезжать на Наблюдательный Холм на велике к 11-ти. Разговор у нас с Костяном получился самый обычный. Я не заметил в его голосе никаких особенных вызывающих подозрение ноток, но потом, уже положив трубку, я вспомнил, что завтра четверг и в полдень проезжает наш белый пикап. После этого на душе у меня стало несколько тревожно. Остаток вечера я провел в мучительных раздумьях, но я и представить не мог, что придумает мой друг.

Велик мне, пока я до конца не выздоровел, еще не разрешали, но разве можно остановить мальчишку, твердо убежденного, что он выздоровел и чувствует себя великолепно!? Да и кому останавливать, если родители на работе?

В урочный час я вскочил в седло и, сосредоточенно крутя педали, помчался по тенистым улочкам. Около парка встретил пару одноклассников, идущих в парк, немного поболтал с ними. А сразу за школой на моем «салюте» слетела цепь, и я убил еще несколько минут, одевая ее.

Вылетел я на вершину холма всего лишь минут на десять позже назначенного времени. По-фраерски затормозил с юзом и заносом, слез с велика.

Костяна не было. Я внимательно оглядел окрестности. Он, конечно, мог отправиться на наш ореховый штаб, мог затаиться где-то в придорожных кустах (в последнее время мой друг подбирался к Дороге все ближе), мог и вовсе застрять где-то дома. И все-таки он назначил мне встречу, а обещаниям Костян всегда был верен железно. Я взял свой «салют» и повел по крутой

тропке вниз, прикидывая, где он может болтаться в эту минуту, но не успел я преодолеть и полсотни шагов, как вдруг увидел в просвете между деревьями мелькнувший силуэт велосипедиста. Он направлялся в сторону Сырой балки. Не знаю почему, но сомнений в том, что это Костя у меня не возникло. Я вскочил в седло и полетел вниз.

Скатываться под крутой уклон градусов чуть ли не в 45 было безумно страшно. В любой другой раз я не стал бы рисковать, но сегодня я сам выбрал этот путь. И отступить было некуда.

Я со всех сил вцепился в руль. Мой велик, вибрируя на кочках, стремительно несся к Дороге. Ветер свистел в ушах. Какой-то бурьян царапал ноги. Скорость росла, не смотря на робкие подтормаживания – «гальмовать» резко я боялся из-за ручных тормозов, проведенных на переднее колесо. Если бы его заклинило, я легко мог бы кувырнуться вперед через руль и исполнить это гораздо красивее, чем когда-то Колян из шайки Батона. Осмысленные мысли покинули меня, мне хотелось лишь одного – удержать велик на тропе. Ну и чтобы этот спуск поскорей закончился, естественно. Дорога стремительно приближалась – казалось, будто не я стремился к ней, а она притягивает меня наподобие магнита. Вот еще один поворот зыбкой тропинки, небольшой пологий участок, на котором я все-таки немного успел снизить скорость, и, наконец, последний крутой нырок. Весь в поту, на скорости не менее пятидесяти километров в час я выскочил на шоссе. Едущая навстречу «Нива» вильнула в сторону при моем приближении. Мне показалось, *уважительно* вильнула – ведь мой сумасшедший спуск нельзя было не заметить.

Интересно, а что было бы, если на месте «Нивы» оказался чужак? Эта мысль одновременно натолкнула меня на смутную пугающую догадку и вернула воспоминания, о том, как дискомфортно я порой чувствовал себя в непосредственной близости от Дороги. Сейчас, правда, было не до этого. Нужно было догонять Костяна. И я подналег на педали.

Странно, но я почему-то ни капли не сомневался, что мельком виденная вдалеке тень и был мой друг. Но почему он поехал куда-то не дождавшись меня? Что он вообще задумал? И именно сегодня...

Забыв, что еще совсем недавно лежал в постели с температурой, я что было сил гнал велик вперед. Шансов догнать Костяна на его «Украине» было не очень много – как ни верти, а колеса у него были больше, следовательно и один оборот педалей уносил его дальше, нежели меня. Но я твердо знал, что этой гонке продолжаться недолго. Я даже уже догадался, где она закончится.

В точке, где исчезают чужаки.

Костян хотел увидеть этот момент самым надежным способом – с самого шоссе.

За исключением той самой «Нивы», дорога оставалась пустынной. Прожаренный солнцем асфальт безмятежной лентой извивался меж холмами, вписывался в привядшие от летней жары кусты и травы, прорезал скромные заросли лесополосы. Мне подумалось вдруг, каким видят этот наш мир чужаки, прорывающие ткань пространства на своих загадочных авто? Спешат ли поскорее проскочить наш участок или наоборот сожалеют, что не могут здесь задержаться? Или им все равно, так как путь их лежит через очень большое число таких Дорог и все они – лишь мелькающие за окном картинки? Узнать это нам было не дано.

Ореховый штаб, спрятанный за деревьями, остался позади. Шоссе немного полезло в гору, и я вынужден был замедлить ход. Я устал и вспотел. Теперь о той скорости, что была у меня при спуске с горы, я мог лишь мечтать. Увеличилось и число дыр в совсем исхудалом дорожном покрытии, приходилось их объезжать. Тем не менее, волнение, а может, и настоящий страх за Костяна толкал меня вперед.

Неожиданно вылетевшая из кустов ворона, издавая зловещее «Карр!», заставила меня вздрогнуть и вильнуть рулем. Я поймал себя на мысли, что в другом месте и в другое время она ни за что бы меня так не испугала. А вот на Дороге, да в этот миг...

Вообще, чем ближе я подбирался к месту «икс», тем тревожнее и волнительно я себя чувствовал. Червячок страха, прекрасно помнящий черный автомобиль-«миротворец», шевелился внутри, заставляя бросать нервные взгляды назад и приглядываться к тусклым теням на обочине. Мне стало казаться, что весь мир при приближении к этому месту становится другим. Более выпуклым, что ли. В воздухе появился какой-то неуловимый аромат, описать который я бы не смог никакими словами, но интуитивно понимал, что он не имеет никакого отношения к летнему дню, прогретому асфальту и запахам леса. Да и сам воздух... Бред,

конечно, но мне стало казаться, что он стал тоньше. Мурашки побежали у меня по спине, но я нашел в себе силы не замедлять ход.

А вот и прореха в зеленых зарослях, через которую мы смотрели на чужаков с Наблюдательного холма. Я вдруг представил, как сижусь сейчас там, щелкая семечки, и смотрю на самого себя, прижавшегося к рулю то ли для уменьшения сопротивления воздуха, то ли от страха. Мои загорелые коленки мелькают над педалями. Светлая безрукавка сзади потемнела от пота. Пару секунд я явственно ощущал свою раздвоенность, потом это ушло, и мне стало легче.

Да и до нужного места я почти добрался.

Вот. Где-то здесь. Прореха вновь сменилась зарослями непролазного кустарника, потом обочина украсилась старыми корявыми акациями, подступающими прямо к шоссе. Не знаю как, но я почувствовал, что искомая точка находится где-то поблизости, и от этого стало совсем уж не по себе.

Точка то рядом, а вот как близко находится Костян, оставалось загадкой.

Я проехал еще немного, пристально изучая окрестности, потом остановился и, смахнув с носа сбежавшую капельку пота, прокричал:

– Ко-остя-я-я!

Тишина была мне ответом. Причем какая-то странная тишина. Я сначала и не понял в чем дело. Потом вдруг осознал, что совсем не слышно кузнечиков и прочей насекомой мелочи, жужжание которой за это лето «на природе» просто въелось нам в мозги.

Кажется, и впрямь это было нечто большее, чем кусок шоссе с размытым по краям асфальтом. А ведь в самом начале, когда мы еще колесили по этим местам вдоль и поперек, опьяненные знакомством с чудом, это совсем не чувствовалось. Либо явление заметно усилилось с весны, либо мы сами приобрели какую-то чувствительность к загадочному месту.

Или местам.

Или загадкам вообще.

Однако загадки загадками, но поверх этого всего я ощущал, совсем не летнюю изморозь страха. Не по себе мне было на этой трассе пришельцев, и уж тем более не по себе на их стартовой площадке. Только ради Кости я находился здесь, только ради него сдерживал трусливое дрожание коленей и озноб от струящегося по спине пота.

«Черт, ну где этот дурак!?»

– Костя-а-ан!?

В маленькой ложбинке неподалеку мне почудилось какое-то движение. Сердце испуганно заколотилось в грудь, но я был слишком заведен, чтобы прислушиваться к его азбуке Морзе.

Эх, мне бы в зрелом возрасте такую самоотверженность!

Под успокаивающее позвякивание слабо натянутой велосипедной цепи я подошел к тому месту. Вероятно, небольшой овражек пересекал когда-то маршрут дороги. Его засыпали, поверх положили щебень и асфальт и провели шоссе. Дожди сгладили резкие формы оставшихся углублений, растительность облюбовала низину, где всегда было влажно. Высокая травка на дне, тоненькая слива-дичка на склоне...

Велик Костяна с модными картонными вставками в колесах был кое-как прислонен к этой самой сливе, а сам он сидел, привалившись спиной к мшистому валуну в десяти метрах от своего транспортного средства, укрытый кустарной порослью и невообразимо разросшимися в тени лопухами. Мне показалось, что мой друг без сознания, но широко открытые глаза противоречили этому диагнозу.

– Костя!

Его губы зашевелились, что-то произнося, но он по-прежнему тупо смотрел перед собой стеклянным взглядом. Я представил, как я ору в полсотне шагов от него, а мой друг, услышав свое имя, лишь рефлекторно открывает рот, не издавая ни звука, словно полоумный из психушки. И вот тут мне стало страшно по настоящему.

Бросив свой велик в кусты, я подскочил к Костяну и со всех сил стал трясти его за плечи. Несколько мгновений он совсем не сопротивлялся и его голова безвольно мотылялась из стороны в сторону. Сквозь тонкую ткань старенькой выцветшей рубашки я почувствовал сильный жар – похоже, у моего друга была температура. И еще я ощутил его пульс. Просто зашкаливающий.

Наконец Костя повел плечами в слабой попытке сбросить мои руки. Пересохшие губы, чуть обратившись в мою сторону, изрекли:

– Пе... перестань.

Я перестал его трясти, безвольно рухнул в траву рядом с ним. Камень, поросший мхом, услужливо предложил мне опору для спины. Глаз с Кости я не спускал.

– Что случилось? – спросил я.

Костян долго молчал, но я не торопил его, видя, что он медленно, но приходит в себя. Лицо, бывшее безжизненно бледным, обрело небольшой румянец. Выражение лица стало более спокойным и осмысленным. Костя сделал несколько глубоких вдохов, умиряя сердцебиение, облизал губы. Я ждал.

Когда он произнес свои следующие слова, уже мой пульс зашелся в агонии. Внутри все похолодело и оборвалось, хотя подсознательно я ждал чего-то такого.

Сказал Костян всего лишь три коротких слова.

– У них осень.

Наши взгляды встретились, и я прочел в его глазах такой букет эмоций, что не передать и не описать. Шок, удивление, радость открытия, а еще тоска и боль. При виде этого многоликого света в его глазах, я почувствовал внутреннюю пустоту.

У них осень...

Никогда еще три обычных на первый взгляд слова не производили на меня такого шокирующего впечатления. Значит у Костяна получилось. Получилось не только увидеть переход чужой машины, но и заглянуть в тот мир, куда она направилась. Это было... Ну не знаю... Невероятно!

Осень...

– Как, Костян? Как тебе это удалось?

Я удостоился еще одного неопишуемого взгляда.

– Тяжело, – с трудом ворочая языком, признался мой друг, – Давай потом. Голова...

Но против моих умоляющих глаз он не смог устоять.

Через десять минут я уже все знал.

Задумку Костяна в общих чертах я угадал верно. Он хотел пристроиться в хвост белому пикапу, проезжающему в полдень по нашей Дороге едва он проедет Наблюдательный холм, и поехать за ним. Как мне хотелось бы верить, поехать на разумном расстоянии. А если водитель начал бы тормозить, или как-то иначе проявил бы себя, Костян бы просто сделал поворот на 180 градусов и поднажал на педали – ведь нигде на шоссе машине не развернуться в один прием, кое-где даже в два, пожалуй, будет сложно. А там, получив такую фору, можно и снова на безопасный холм сбежать.

На самом деле это была хорошая идея. Для книги, для фильма, для пустой болтовни на закате дня.

Но не для реального осуществления!

Не знаю, откуда мой друг набрался храбрости для этой авантюры, забыв и про водителя черного авто, и про то, что чужаки могут быть опасны просто в принципе. Не знаю. Что удивительно, в его планах было подбить на это дело и меня. К счастью, мне не пришлось выслушивать его уговоры. «К счастью» потому как я вряд ли смог бы пересилить свой страх и отправиться с Костей в эту сумасшедшую поездку, но мне не хотелось бы услышать от друга «ты сдрейфил!», хотя это было сущей правдой.

Но я и не услышал.

Еще одна машина из заповедья, появившаяся на час раньше, переориентировала планы Костяна. Вернее не то чтобы переориентировала...

Двигалась она в другую сторону, в направлении Сырой балки. Путь до точки перехода туда был несколько дальше, но она двигалась здесь и сейчас. И Костя не стал размышлять, приняв совершенно спонтанное решение.

Он рванул.

Авто, на которое нацелился Костян, представляло собой широкий бежевый седан с тонированными стеклами и цельными хромированными колпаками на широких колесах. Две выхлопные трубы под массивным черным бампером, чуть загнутые на конце вниз, целых шесть тормозных фонарей, странный маленький номер желто-зеленого цвета с цифрами «08808» и без единой буквы, изогнутая антенна на крышке багажника – то, как выглядел автомобиль сзади, мой друг успел изучить достаточно хорошо. В его распоряжении было, наверное, целых полминуты,

прежде чем его проводник, небрежно увеличив скорость, не скрылся за ближайшим поворотом. Вот так – не торможение, не угрожающие жесты и вовсе не поворот на 180. Чуть больше газа и – оторваться от назойливого аборигена. Как от мухи отмахнуться.

Но отвязаться от Костяна оказалось не так уж просто. Он на своей «Украине» был, пожалуй, самым быстрым у нас в округе и в свою последнюю гонку вложил все силы. Впрочем, полагаю, что и «08808» не особо спешил. В конечном итоге на финишной прямой они оказались в пределах прямой видимости. Сил у Костяна к тому моменту, как он сам сообщил, не осталось вовсе. Но для того, что случилось потом, это не имело принципиальной разницы.

Автомобиль чужака начал пропадать из нашего мира. Но происходило это вовсе не так, как я мог себе представить. Никаких исчезновений в воздухе, никаких огненных врат. Костян рассказал, что увидел вдруг, что на пейзаж нашей Дороги наложилась сверху другая картинка. Он сравнил это с настройкой резкости в фотоаппарате ФЭД. Два изображения сошлись в одно, только единым целым, как в фотике не стали. Наш лес отступил на задний план, став подкладкой и уступив место другому лесу – более дремучему и... осеннему. Не смотря на расстояние, Костян смог явственно различить усыпанную опавшими листьями Дорогу по ту сторону – чуть шире нашей и более черную, возможно от прошедшего недавно в тех краях дождя. Большие деревья в желто-красных редееющих доспехах уставшими стражами стояли по обе стороны от уходящего вдаль полотна. Серые клочья облаков застилали небо. Мир, необычайно похожий на наш, но все же чужой.

Бежевый автомобиль миновал призрачную границу между мирами и уже катился там, оставляя за собой шлейф кружащихся листьев. Миг, другой – изображение померкло, но еще не исчезло. Автоматом Костян поднажал на педали, даже не задумываясь толком, готов ли он к этому шагу. Он успел к самому закрытию врат. Колеблющееся марево скользнуло над Дорогой. Сквозь видение осеннего леса проступили скромные посадки лесополосы. Воздух вдруг стал тонким, сухим и не по-летнему холодным. Костян втянул его и почувствовал, как закружилась голова, а горло сдавило так, что не сглотнуть. Сердце затрепыхалось то ли от нехватки кислорода, то ли от испуга. Руки дрогнули и велик с ослабевшим седоком, покачнувшись, направился к кустам. Перед Костиными глазами поплыли черные точки, в голове завели бумкающую песню сотни дятлов. Последнее, что запомнил Костян прежде чем уйти за обочину, были гонимые ветром по асфальту несколько желтых листьев на месте недавнего осеннего леса.

Сознание Костяна, видимо, все-таки потерял. Потому что первое, что он вспомнил после этих самых листьев, был мой голос. Вот только на какой по счету крик мой друг начал реагировать, сказать было сложно.

К тому времени, как я выудил из Костяна рассказ о случившемся, он чувствовал себя уже гораздо лучше. Да и я, пожалуй, тоже. Дыхание и пульс Кости почти вернулись в норму. Голова поутихла. Немного еще саднило горло, но это были уже пустяки. При аварийном приземлении Костян, правда, сильно ушиб ногу, но в целом его состояние здоровья было удовлетворительным.

Я тоже при виде оклемавшегося Костяна немного расслабился и вздохнул с облегчением, потому как, по моему мнению, все уже было позади.

Все, да не совсем. Ровное урчание автомобильного мотора раздалось в тот момент, когда Костя уже нашел в себе силы встать. Мы переглянулись и без слов поняли друг друга. Такой звук мог принадлежать только чужаку, его движок нельзя было спутать ни с одним нашим мотором, а чужак в этот момент мог быть лишь один.

Белый пикап!

Я тут же забыл про весь свой страх перед Дорогой (не прогнал, а именно забыл) и заспешил к шоссе, мечтая увидеть картину, свидетелем которой стал Костян. Так бывает, когда вначале нервничаешь, накручиваешь себя, а потом вдруг понимаешь, что все обошлось, все в порядке. Расслабляешься, и позитивная энергия мгновенно зарождается и стремится выплеснуться наружу. Так вот, в тот момент я под влиянием этой позитивной энергии рванул через кусты к шоссе. Костя, кажется, похромал за мной.

Вот только одного я не учел. Белый пикап двигался не к месту перехода, а от него. Феерический спектакль появления машины в нашем мире уже произошел.

На него мы опоздали.

Разумеется! Ведь Костян-то как раз собирался проводить его до другой «точки икс», на противоположном конце.

На Дорогу я выскочил, когда пикап уже проехал нашу ложбинку и неторопливо удалялся – мне почему-то подумалось, что догнать его на велосипеде наверное более реально, чем бежевую тачку Костяна. Но, разумеется, проверять эту версию желаний ни у кого из нас не было. Как среагирует на такую «погоню» водитель пикапа было неизвестно. Неизвестность же обычно рождает страх. Как его преодолеть, Костян, в принципе, продемонстрировал, но... хватит на сегодня подвигов!

Автомобиль удалялся. Мы заметили, что кузов его был пуст, лимонного цвета номер над бампером гласил «Wenys206». Про то, что это могло значить, если, конечно, значило, у нас даже не было ни малейшего предположения.

Когда белый пикап скрылся за поворотом, я почувствовал какое-то легкое умиротворение и пустоту в желудке. Я вздохнул. Будто закончился долгий, напряженный, но интересный, фильм и теперь можно отправиться во двор погулять. Если, конечно, тебе не будут мешать навеянные просмотром образы. Возможно, нечто подобное испытывал и Костян. Потому что его рука опустилась на мое плечо.

Я не оглянулся, задумчиво глядя вдаль на пустую Дорогу.

– Знаешь, что, Костя?

– Что? – голос его был чуть хрипловатым.

– Поехали отсюда.

Костян не ответил, но мне показалось, что он кивнул.

Всю последующую ночь меня преследовали кошмары. Мне снилось, что по всему Федюхинскому шоссе курсируют черные «миротворцы», а я прячусь на противоположной стороне дороги в колючих зарослях. Я сижу там, скрючившись, и мне больно. Ежевика и еще какие-то острые колючки впиваются в мое тело. На той стороне я вижу наш орех, хотя место у меня такое, что по логике я вряд ли его могу видеть. На орехе – Костян. И он зовет меня, машет рукой, показывая, что я могу успеть перебежать к нему, но я боюсь пересечь эту чертову Дорогу.

Следующий кадр – и я вижу белый пикап, в кузове которого наши велики. А еще там стоит клетка, и я вдруг понимаю, что она для нас. Пикап останавливается напротив меня и полупрозрачное стекло скользит вниз. Я боюсь увидеть, кто сидит за рулем. Там, кажется, человек, но это только с виду. Совершенно естественным во сне знанием приходит понимание того, что под личиной спокойного седовласого мужчины скрывается самый настоящий оборотень.

Еще один провал.

Я удираю сквозь заросли, которые почему-то стали бесконечны. Одежда на мне изорвана, царапины усеивают каждый сантиметр моего тела. Меня преследуют, но, кажется, я почти оторвался. Вот еще немного – и заросли сейчас закончатся. Я начинаю улыбаться тому, что у меня все получилось, и вдруг вылетаю на крутой размытый дождями склон. Передо мной Дорога. А по ней едут десятки, сотни чужих машин самых разных моделей, форм и цветов. Если бы я смог сосредоточиться, то я мог бы узнать очень многие из них. Но мое сердце трепыхается, а рассудок отказывается нормально воспринимать происходящее.

Потому что на той стороне шоссе – деревья. И все они желтые. Внезапно налетает порыв ветра и сорванные листья летят в меня. Я хочу увернуться от них – не знаю толком почему, но они настигают меня, липнут к телу. Их так много, и все они липкие и холодные. Их все больше, я чувствую, что очень скоро буду погребен в желтой могиле.

Я проснулся в холодной испарине, дрожа всем телом под легким летним покрывалом. Открыл глаза, приподнялся на кровати, желая убедиться, что я дома и все это было сном. Мой письменный стол, лампа с белым абажуром, книжный шкаф, разбросанная по стульям одежда – все было на месте. Беспечно тикал будильник, который с началом школы я начинал ненавидеть. Слышались шорохи со стороны кухни – мама, наверное, уже встала и готовила отцу завтрак.

Я вздохнул, постепенно успокаиваясь. Кошмар медленно отпускал, уходил куда-то в плывущие за окном вязкие предутренние сумерки, в которых призрачными силуэтами едва-едва шевелились ветви росшего напротив ясеня. Причину сумерек я понял через минуту – на улице было пасмурно. Небо закрывали неподвижные унылые тучи. Было невообразимо тихо и... пусто.

Где-то далеко-далеко залаяла собака, но даже эти звуки не в силах были разогнать странное ощущение тоски и тревоги, накотившее на меня. Я вновь зарылся в подушку и, пытаюсь

не думать о Дороге, закрыл глаза. Не думать, в общем-то, почти удалось. Когда я опять уснул, в моем мозгу сидела только одна мысль.

Я ее все-таки боюсь.

– Что значит «ноги моей не будет на обочине»? – Костян оторвался от поглощения арбуза и удивленно уставился на меня, – Не, Леха, я не понял...

Мы сидели у меня на балконе и орудовали ножом над большим полосатым шаром, почему-то являющимся по классификации ботаников ягодой. Вернее уже не шаром, а тем, что от него осталось. Между нами на большой тарелке лежала куча арбузных корок, а косточки мы просто плевали за окно, где все утро шел мелкий противный дождик. Серый рассвет, увиденный мной утром, предрекал именно его.

– Я ведь доказал, кажется, что это неопасно.

– Неопасно!? – я посмотрел на друга с изумлением, – ты ничего не забыл?

– Если не пытаться лезть в открывшийся портал, то не опасно.

В квартире мы были одни и разговаривали не таясь.

– То, что нам навстречу не вылетел тот черный «миротворец» еще ничего не доказывает.

– Доказывает, – в дрогнувшем голосе Костяна, правда, поубавилось уверенности, – мы не причиняем никому вреда.

– Мы разоблачаем их тайну. Это же еще опаснее.

– А, по-моему, нас как раз посвятили в эту тайну.

В тарелку легла еще одна корка. Костяна. Потом моя.

– А что же мы с тобой так долго, с весны, никак самое главное никак увидеть не могли? – спросил я, – Этот самый момент перехода?

– Ну, как бы не все сразу, наверное. Нас проверяли, – Костян помолчал, размышляя, – А может, эта идея с велосипедом была у них не предусмотрена.

– Ага, – скептически отозвался я, – а от местных машин они как-то же должны предостерегаться.

– Может на большие массы и размеры у них есть свои способы, а на велик не нашлось.

– Чего-о?

– Ну, стоят у них радары какие-нибудь, которые сканируют нас еще оттуда и дают добро – можно ехать или нет.

– Ну, ты и фантаст!

Костян пропустил мою реплику мимо ушей. Или счел ее комплиментом. Как не раз уже мной замечалось, подобные темы его жутко заводили.

– Не, у них стоят датчики на тепло. Я читал про такие. Они засекают все горячие предметы, двигатель машины он же горячий! А у велика двигателя нет.

– Костя! – одернул его фантазии я. – Ты разве не помнишь случаев, когда на шоссе мы видели одновременно чужаков и наших.

– Может на тех чужаках эти приборы отказали, или они их сами выключили, чтобы... чтобы... Ну они наверное спешили сильно или еще что-то.

Я махнул рукой, капитулируя. Спорить с Костяном было ужасно трудно. И все-таки...

– Костя, просто у Дороги мне не по себе, – я специально не употребил слово «страшно», чтоб не иметь ничего общего со словом «трус». – Я не могу объяснить. Мне кажется, они все следят за нами. А тут еще этот сон... ну я тебе рассказывал.

– Сон, сон, – проворчал мой друг, но проворчал совсем не зло, – Фигня все это. Пройдет. Выветрится твой сон и все.

В общем-то, это действительно прошло. Через несколько дней я уже и не вспоминал приснившийся кошмар. В детстве одни впечатления сменяются другими очень стремительно, даже если кажется, что ничего не происходит. А уж такой ерунде, как страшные сны однозначно не судьба долго задерживаться в мальчишечьей памяти.

Самый конец лета выдался прохладным и пасмурным. Было ветрено, временами шел дождь, еще конечно вполне летний, но все равно неприятный, когда промокаешь под ним до нитки. Первыми желтыми листьями украсились акации на нашей улице. Заметно раньше стало темнеть.

Занесла лезвие над нашими головами гильотина школы. Мой стол пополнился стопкой тетрадей, новой красивой перьевой ручкой и набором линеек. В шкафу в ожидании осенней слякоти замерли новенькие ботинки. В общем, было у тогдашних школьников такое событие – поход на школьный базар. Кстати, если не ошибаюсь, в тот год я в первый раз увидел на прилавке отдела электротоваров такую штуку, как микрокалькулятор.

Я... я снова был с Костяном у Дороги. А что мне оставалось?...

Поспели орехи на нашем штабном дереве. Их было, правда, не очень много. Рассвет сил у дерева был уже позади, о чем свидетельствовали появившиеся сухие ветви, но оно еще давало плоды. И орехи были вкусные. Во вторник мы собрали их целую кучу и, зарабатывая неотмывающуюся черноту на руках, чистили их и кололи большим камнем прямо на дереве, под отсыревшей и провисшей за дни дождей картонной крышей. День, в принципе, выдался очень даже погожий. Небо отливало почти сентябрьской синевой. У горизонта собрались бело-розовые клочья отступающих прочь облаков. Ловя последние жаркие деньки, заливались птицы.

Некоторое время мы почти ни о чем не говорили, всецело поглощенные орехами, потом я, наконец, сообщил Костяну свою основную новость.

– А меня отец на рыбалку берет, – пытаюсь, чтобы это прозвучало не хвастливо, сказал я, – на озеро.

– На Бучаевское? – внешне Костян остался невозмутимым, но я почувствовал, что какая-то легкая тень проскользнула по его лицу, отразилась в глазах и голосе.

– Ага. Ты извини, я бы тебя позвал с нами, но нас туда папин знакомый везет. Ну, сам понимаешь...

Не поднимая глаз от очередного ореха, Костян кивнул, мастерски делая вид, что ему это безразлично. Впрочем, может, так и было. Никогда не замечал, что моего друга интересует рыбная ловля. Зато я ждал этой (или вернее любой такой) поездки с большим нетерпением – копался в поплавках, блеснах и крючках, высматривал в магазине спорттоваров подходящую леску. А на этот раз я ждал ее даже больше чем обычно – в отличие от начала лета, когда я торопился поскорее умчаться от бабушки домой, сейчас мне очень хотелось на самую малость забыть о Дороге. Я чувствовал, что тот огонь, которым поначалу зажег во мне Костян этими неведомыми прищельцами, уже не греет меня.

Более того, после прошлого четверга этот огонь начал дымить.

– А мать тебя в такую погоду пустит? – Очередная скорлупка отправилась в недолгий полет вниз.

Я скривился. На самом деле это было темное пятно на лазури моих грез. Погода могла все испортить. Вот светило бы постоянно солнце – и никаких проблем! А так нужно было обещать наличие спальника, резиновых сапог, теплых носков, чего-то еще. Отец, правда, заверил, что все у нас получится, и потому Костяну я уверенно заявил:

– Ну, да. Это же не зима.

– А ты надолго?

– Завтра вечером выезжаем, в пятницу к обеду вернемся.

Я отправил в рот последний выковырянный кусочек грецкого ореха и посмотрел сквозь листья на небо, пытаюсь по бегу облаков что-нибудь понять про завтрашнюю погоду.

Если бы я смотрел на моего друга, то увидел бы, как его губы на долю мгновения тронула едва заметная грустная улыбка.

Но я не смотрел.

День пролетел незаметно. В принципе, как всегда. Еще один патрон из обоймы лета.

Ближе к вечеру Костян предложил прогуляться по обочине, но я отказался. Не то, чтобы меня стала пугать Дорога, но все-таки из памяти еще не выветрилось происшедшее в прошлый четверг. И мутные пугающие сны, содержание которых утром растворялось как речной туман, еще не полностью меня забыли. Некоторое время, уверял я себя, полюбуюсь Дорогой издали. Ничего такого в этом нет, не так ли?

Единственный чужак – похожий на зубило черный автомобиль с большими колесами и зеркальными стеклами – промелькнул около шести вечера, не вызвав у меня уже никаких новых чувств. Около восьми мы засобирались домой.

– Знаешь, у меня вот какой вопрос возник, – сказал вдруг Костян, когда мы уже поднялись на холм, – если у них с этой стороны осень, то с другой, может, весна?

Я посмотрел на него, задумчивого, смотрящего куда-то вдаль. Мне не хотелось отвечать, потому что отвечать мне было нечего.

– Может, – едва слышно произнес я.

– Или мир по обеим сторонам один и тот же и они просто так сокращают расстояние? У нас тут пара километров, а у них там... сотня.

– Не знаю, Костя. Мы так это и не выяснили, разные там миры или одинаковые.

– Выясним когда-нибудь, – всю задумчивость из моего друга как ветром сдуло. Он улыбнулся мне и похлопал по плечу. – Правда, ведь?!

– Правда.

Мы вместе дошли до развилки, и, пожав на прощанье руки, разошлись в разные стороны. Когда я отошел на приличное расстояние, что-то заставило меня оглянуться, и я увидел, что Костя все еще стоит в начале своей тропинки и смотрит в мою сторону. Он помахал мне рукой и я ответил тем же, хотя жест этот в наших детских кругах приравнивался тогда к девчачьим воздушным поцелуям. Мимолетно удивившись поведению своего друга, я прокричал ему «пока!» и поспешил домой. Костя потопал в сторону своих пятиэтажек.

Это был последний раз, когда я его видел.

На следующий день я был так занят сборами и родительскими поручениями, что позабыл обо всем на свете. Погода вроде бы не собиралась портиться и я, радостный, тщательно собирал свой рюкзак, выполнял необходимое условие мамы – уборку в моей комнате, бегал за чем-то в магазин, что-то решал и придумывал.

Детство. Предвкушение праздника.

Позвонить Костяну я собрался лишь после обеда. Ругая себя за то, что не сделал этого раньше, я набрал на скрипучем дисковом аппарате его пять цифр, но ответом мне были длинные гудки.

Что ж, неудивительно.

Мелькнула мысль сбежать к Дороге, но времени до назначенного часа оставалось уже мало, и я решил, что Костян как-нибудь переживет без меня эти два дня.

В четыре под нашими окнами просигналил 412-й Москвич папиного друга. На какой-то миг меня охватила паника от странной связи этой машины и чужаков из другого мира, потом еще раз пощекотал страх, когда мы, загрузив в багажник наши вещи, выехали со двора, и мне подумалось, что сейчас мы поедem по Федюхинскому, и нам обязательно встретится какой-нибудь чужак.

Нет, москвиченок был самым обычным, с неотрегулированным кряхтящим мотором, болтающимся под зеркалом Олимпийским Мишкой и добродушным автомобильным запахом.

И по Федюинскому шоссе, к моему величайшему облегчению, мы не поехали.

Воспоминаний о той поездке осталось почему-то удивительно мало. Только малюсенькие штрихи. Дрожание поплавок на водной глади, возгласы «клюёт» и «подсекай». Карасики, плавающие в ведре. Папин друг, имя которого я забыл, забавно ковыряющий червей, стоя в огромных, до колен, сапожищах. Злющие комары, от которых приходилось прятаться под болоньевым дождевиком. Холодный сизый туман поутру. Костер, уха, хлеб с дымком. Тихое бряканье кружек, слышимое уже сквозь сон.

На следующий после приезда день, я помню, что купался гольшом в устье небольшой речки и загорал на травке среди безумного стрекотания кузнечиков. Повсюду носились огромные стрекозы, которых я никогда раньше не видел. А еще в четверг был хороший клев.

И в этот же день Костик пропал. В то время, как я неумело насаживал наживку на крючок и ел сваренную в котелке уху, мой друг шагнул на асфальт загадочного шоссе навстречу своей судьбе. Эх, если бы я мог что-то изменить...

Первым, кто сообщил мне про то, что Костик исчез, была моя мама. Мы приехали с озера вечером в пятницу, часов в шесть или семь, еще не было темно. Она ждала нас, не на шутку взволнованная, и поведала, что вчера вечером Костя не вернулся домой. Костина мама, вся в

слезах, сегодня приходила к нам домой, а потом сразу после полудня звонил участковый и тоже задавал вопросы.

С трудом я пережил ужин. Как говорится, кусок не лез мне в горло. И вообще, первые минуты после ужасной новости, я был как в трансе. Потом, проигнорировав какие-то слова и советы родичей, я свалил на улицу.

У дверей подъезда я раздумывал лишь несколько секунд. Потом помчался к Дороге. К тому времени, как я добрался туда, солнце успело сползти за горизонт, и лишь сочная яркая полоса догорала на западе.

Наблюдательный холм, будучи наверняка молчаливым свидетелем всего происшедшего, встретил меня тоскливой тишиной – не знаю, почему я пришел именно туда. Шоссе, лежащее внизу, уже потонуло в вечерних сумерках и, по правде сказать, мне было очень не по себе находиться там в одиночку. Машин не было, но мне, взвинченному от бега и этой жуткой вести про моего друга, казалось, что я слышу злое урчание неведомых моторов где-то там, за поворотом.

Заранее зная, что мне никто не ответит, я внезапно охрипшим голосом позвал Костю. Нет, разлитая вокруг тишина была мертва, если не считать робкого стрекота насекомых и лая собаки где-то далеко-далеко.

Минут пять я собирался с силами. На востоке уже начали появляться первые звезды. Расцветал огнями и город, на который мы любили смотреть с Костяном. Пригладил травы ветер.

Наконец, кое-как справившись с забирающимся под тонкую рубашку холодком, я набрал в легкие побольше воздуха и направился вниз.

То и дело настороженно поглядывая на дорогу, я приблизился к нашему ореху и взобрался наверх. На первый взгляд в нашем штабе ничего не изменилось. «Насест», моток веревки, обертка от шоколадки, которую мы ели вместе всего лишь два дня назад. Бинокля, конечно же, не было – Костян как правило забирал его с собой. Рогатка висела на сучке как ни в чем не бывало – конечно, для иных миров это было не оружие. В дупле, где у нас был тайник, я нащупал только один предмет – пластмассовую бутылочку из-под шампуня «для передачи важных донесений», как мы это называли. Мы пользовались этой штуковиной лишь раз или два, это был, наверное, просто атрибут штаба, но на сей раз придуманное название было полно значимости.

Внутри меня ждала записка.

С жутко колотящимся сердцем я извлек оттуда свернутый в трубочку наполовину исписанный тетрадный листок. Для чтения было уже темно. Бегло, но все равно стараясь ничего не упустить, я еще раз осмотрел весь наш штаб и не найдя больше ничего достойного внимания, вернулся на землю. Поминальным аккордом хрустнули под ногами разбросанные нами недавно скорлупки орехов.

Наверху, на холме, света было еще достаточно. Усевшись там в траву (признаться, ноги почти не держали меня), я развернул записку. Шариковая ручка. Знакомый почерк. Никаких слов приветствия. Сразу с места в карьер.

«Леха, я решил. Думал над этим все лето и решил. Я хочу попасть туда, откуда берутся все эти машины. Не знаю, что это за мир, но моя жизнь здесь становится все хуже.

Мне не нравится мое будущее – оно пахнет пылью и грязью. Я знаю его наперед. Скучный спектакль с грустным концом, помнишь?

Иногда мне кажется, что Дорога – это мой единственный шанс переломить судьбу. Я хочу им воспользоваться. Сыграть в лотерею.

Тот самый белый пикап, который проезжает по шоссе каждый четверг.

У меня есть одна мыслишка по поводу него. Я хочу попробовать.

И если ты читаешь эту записку, значит, скорее всего, у меня получилось.

Извини, что я не сказал тебе всего этого раньше. Но ты бы просто не отпустил меня. Леша, ты – мой лучший друг. Пожалуйста, если сможешь, сохрани нашу тайну. Мне кажется, это очень важно. Для Дороги. И для меня тоже.

Если мне удастся, я обязательно пошлю тебе оттуда весточку. Если, конечно, это возможно.

Не поминай лихом. Прощай.»

И крохотная, дрогнувшая в середине имени подпись.

Он был прав. Если бы Костя сообщил мне о своем решении лично, я сделал бы все, чтобы остановить его. Я не поехал бы на рыбалку. Остался бы с ним и говорил о любящей его маме, школе, друзьях, может быть, припел бы даже советскую власть, коммунистическую партию и наше светлое будущее – что поделаться, такие были времена. Я вещал бы бесконечно и со всем красноречием, на которое был способен, воспитанный докладами на полчасовке политинформации и сборах совета отряда.

Но, видимо, как раз понимая все это, он и решил сделать так, как сделал.

А еще он просил сохранить все это в тайне. И двенадцатилетний пацан, которым я был, решил поступить именно так.

Я перечитал записку еще раз. Потом еще.

Не знаю, как он хотел воспользоваться регулярным появлением белого пикапа. Трюк с велосипедом? Может быть, но вряд ли – этот вариант казался мне не очень удачным. Можно было залезть в кузов, предварительно придумав что-нибудь на дороге, чтобы машина остановилась, или просто проголосовать. Тогда воображение рисовало мне, что Костян устраивает маленькую диверсию вроде большой ветки, перегородившей дорогу, а когда водитель пикапа выходит из машины, незаметно выскакивает из кустов и забирается под брезент, который почти всегда находится в кузове. Сейчас я больше склоняюсь в сторону второго варианта. Но по большому счету способ ведь не так важен. Прежде всего, важна решимость, чтобы это сделать. И немалая.

Путь домой после того, как я обнаружил записку, прошел как во сне. Лишь на родной улице я пришел в себя и обнаружил, что все еще сжимаю в руке мятый листок. Помню, что я вдруг испугался, что кто-нибудь обнаружит его у меня, начнет допрашивать и, тогда, нервно оглядываясь, я разорвал его на мелкие клочки. Порыв ветра тут же подхватил обрывки бумаги и понес прочь, во тьму туда, где шумели неугомонные тополя. На какой-то миг белые клочки мелькнули в свете ближайшего фонаря и окончательно исчезли.

Эх, Костя, Костя...

Вечер я провел в странных полубредовых мыслях про Дорогу, про другие миры и тех, кто в них живет. Снилось мне, наверное, что-то в том же духе, потому что наутро я чувствовал себя больным и разбитым.

Часов в десять к нам пришел инспектор по делам несовершеннолетних. Он не понравился мне с самого начала, а потом, когда стал задавать всякие каверзные вопросы и пытаться поймать меня на разных неточностях, развил у меня полную неприязнь. В тот момент прозвище «мусор», которым старшие пацаны во дворе пренебрежительно называли людей в милицейской форме, казалось мне совершенно естественным, так же как и традиционная нелюбовь к этим людям. Мне было страшновато, но я твердо решил ничего не говорить ни про загадочные машины, ни про решение Кости. Это было непросто под буравящим взглядом блюстителя закона, но я держался. Моя поездка с отцом на рыбалку оказалась каким-никаким, но все-таки алиби и уберегла от более серьезных разбирательств. Но, вообще, даже расскажи я ему все как на духу, очень сомневаюсь, что этот человек поверил бы в реальную историю.

В итоге инспектор услышал от меня про то, что Костя недолюбливал своего отчима, что любил читать, в школе не конфликтовал ни с кем, кроме исторички и компании Батона из 7-го класса, мечтал когда-нибудь увидеть море, короче говоря, ничего особенного. Горячим запахло, когда инспектор спросил про то, как мы проводили время на каникулах. Я, воодушевленный тем, что почти убедил милиционера в своей неосведомленности по поводу исчезновения друга, уж было набрал воздуха, чтобы насочинять с три короба, но оказалось, что дядя в погонах уже прекрасно осведомлен про наши с Костяном прогулки в сторону Федюхинского шоссе и про наше дерево. Помнится, я потом долго думал, кто мог ему про это рассказать, но так и не пришел к однозначному выводу. В любом случае я держался, и про самое главное он не узнал.

Мы беседовали еще с четверть часа, а потом инспектор вдруг изъявил желание прогуляться к нашему «штабу». В груди у меня все замерло при мысли, что он увидит одну из тех загадочных машин, но деваться мне, понятное дело, было некуда.

Я исполнил желание милиционера и показал ему наш штаб на дереве – после того, как я порвал записку, там все равно не оставалось никаких улик. Нет, я, конечно, мог вчера в темноте

пропустить что-то важное, и от этой мысли мерзко холодило в животе, но мне удалось кое-как убедить себя, что это ерунда.

Прибыв на место, я рассказал, что мы любили сидеть и наблюдать за проезжающими машинами – я очень надеялся, что измучивший меня за сегодня дядечка вдруг вспомнит, что он тоже когда-то был мальчишкой и оставит меня в покое. Надеялся я зря. Выполняя свой долг, милиционер даже влез на дерево. У него это получилось на удивление ловко. Заметив рогатку, инспектор строго осведомился, не обстреливали ли мы из нее проходящий транспорт (в этот момент я вздрогнул, вспомнив историю с Батоном), пожурил за вырезанные на стволе инициалы. Я подумал, что он начнет еще и выговаривать за спички, обычно хранимые в дупле, но вдруг вспомнил, что кроме бутылки из-под шампуня ничего вчера в нем не обнаружил.

Пока мы там находились, мое сердце тревожно подпрыгивало при каждом звуке мотора проезжающей машины, но все они были самыми обычными. На время или навсегда, но пришельцы исчезли. Случайность то была, или их отсутствие было напрямую связано с пропажей Кости – на этот вопрос ответа не было. Но то, что инспектор не заметил ничего странного, не могло не радовать.

На обратной дороге он был озадачен и даже грустен. Профессиональная спесь с него слетела и мне стало почти жаль его, видимо потерявшего все зацепки. Он больше не задавал мне вопросов и лишь после того, как мы поднялись на холм, спросил, глядя себе под ноги:

– Может быть, он проголосовал какую-нибудь попутку и сбежал из дому, как думаешь?

Я неопределенно мотнул головой:

– Может, но только не на этой дороге. Здесь ездит очень мало машин.

Он кивнул, явно не заметив, как я напрягся.

– Его мать, говорит, что пропали некоторые теплые вещи...

Это я уже слышал от него, когда мы беседовали дома, но сейчас слова инспектора приобрели, наконец, правильный смысл. Я вдруг вспомнил эпохальные слова Костяна. «У них осень». Ну да, конечно, он предусмотрительно взял с собой теплые вещи. И спички, наверное. И бинокль тоже. Мне стало тоскливо, я почти не слушал, как идущий со мной дядечка вслух рассуждает о дополнительной проверке вокзалов. Что он мог понимать? Какие там вокзалы...

У них осень!

– А его велосипед? – наконец я осмелился задать этот вопрос.

– Велосипед? – инспектор чуть ли не безразлично пожал плечами, чем меня сильно удивил, – Дома. Я споткнулся об него в коридоре.

Я ожидал в конце его ответа «А что?», но милиционер закурил и погрузился в свои мысли.

Значит, я был прав. Не велосипед.

Потом мы расстались, и больше никто из милиции меня не беспокоил. Хотя, наверное, еще один-два звонка и были, точно уже не припомню.

На следующий день я пошел в библиотеку. Пожилая очкастая библиотекарша упорно не хотела давать мне книгу, которую недавно брал Костик, но мне удалось ее уговорить при условии, что я останусь в читальном зале. Я покорно присел с заветной добычей у окна за самым последним столом.

Что я надеялся найти в этой книге, толком и не знаю. Заметки на полях, которые никогда не оставляет простой двенадцатилетний пацан? Что-то конкретное из романа, подвигшее Костю на его поступок? Не знаю. Но когда я задумчиво начал листать страницы, желая отыскать место, на котором я закончил читать, из книги мне под ноги выпал тот самый загадочный фантик. Я подобрал его и долго смотрел на неведомые серебристые буквы, вспоминая тот жаркий июльский день. Кто были те трое из сине-зеленого авто? Откуда и куда держали путь? Быть может, Костян знает теперь это.

Вздыхнув, я нашел место, до которого дошел в прошлый раз, когда книга была у меня, и принялся читать.

Пытаясь все-таки уловить в романе что-то, что подвигло Костяна на его поступок, я просидел больше двух часов, дочитывая запутанную историю, про Рэда, Лейлу, и драконов Белквинита. Может быть, он провел аналогию с героем книги до конца и решил, что его настоящий отец не умер, а тоже отправился куда-то в неведомые измерения. Но как же тогда

быть с могилой? Ведь мы вместе ходили с Костяном на кладбище и я своими глазами видел надгробную плиту с его именем. Я что-то не слышал, чтобы у нас хоронили пустые гробы.

В довершение всего я еще раз внимательно пролистал страницы, но не заметил ровным счетом ничего. Внешне эту историю и эту книгу с Костяном связывал только фантик, используемый видимо им просто-напросто в качестве закладки. Можно было бы взять цветастый квадратик с собой, но что-то меня остановило, какое-то легкое шевеление в груди.

Я оставил фантик из другого мира именно там, где ему, по-моему, было самое место – в книге про другие миры. Молча сдал «Знаки дороги» и вышел в дождь.

Библиотекарша так и не поняла, почему, когда я уходил, у меня в глазах стояли слезы.

Когда мы получали учебники, меня позвала к себе классная руководительница. Вопросы ее были схожи с вопросами инспектора, но задавались в более мягкой форме. Подобных встреч было еще много. Директриса, классуха, пионервожатая – всем хотелось знать, что случилось с Костей или если ставить вопрос иначе, где был допущен основной промах в его воспитании. Вслух так, конечно, не говорили, но это витало в воздухе при всех наших беседах. Они не пытались понять душу Кости, я понял это несмотря на свои еще довольно юные годы, они просто пытались оправдаться.

Им я тоже, как и милиционеру, ничего не открыл.

Уже сейчас, спустя это невообразимое количество лет, я думаю, что было бы, если бы я им все рассказал? О Дороге, о машинах, о Косте и его затее. Мы бы сели в засаду с тем же лейтенантом (или кто он там был по званию) и увидели эти странные авто пришельцев из других миров. Как бы повернулись события тогда? К чему привели бы? Может быть, я познакомился бы еще и с детским психиатром, а, может быть, неведомый портал стал бы доступен людям. К чему гадать? Прошлого не вернуть, как не остановить время. Я где-то вычитал эту фразу. Ох, как она верна!

Сентябрь был пропитан весьма тоскливыми и даже трагическими настроениями. Я все еще ждал, поначалу очень ждал, что Костян вернется, хотя подсознательно понимал, что мой друг взял билет в один конец. Расспросы закончились. Жизнь понемногу налаживалась. Юность брала свое. Прийти в себя мне немного помогла наша новенькая – рыжая Ирка, которую посадили за мою парту на место Костяна. Кажется, это была моя первая школьная влюбленность.

Сентябрь сменился октябрем, затем настал черед ноября. Костян так и не вернулся, и к зиме надежда пропала, присыпанная первым снегом.

На новогоднем вечере я подрался с Витькой Грачевым, который в разговоре обозвал Костяна «дебильным придурком». То, что противник был выше меня на полголовы и подтягивался больше всех в классе, меня не остановило. Я сцепился с ним, получил классический фингал и был выгнан с вечера. Мне кажется, это был последний раз, когда при мне вспоминали о Косте.

Отчим Кости вскоре окончательно спился, а его мать стала похожа на тень. Иногда я встречал ее где-нибудь на улице или рынке, но она, видимо, не узнавала меня, а заговорить сам я не решался.

После ухода моего друга я еще иногда приходил к Федюхинскому шоссе подумать, погрузить, вспомнить наши с ним проделки, но случалось это все реже и реже.

Необычные машины после того безумного лета мне больше не попадались. Быть может, это было связано с тем, что в тот мир попал человек с изнанки, и им пришлось принимать меры, а, может быть, это было просто совпадение, и на 85-й пришелся пик загадочных миграций. Возможно также, что они нашли какую-нибудь дорогу получше, чтобы ездить по своим делам. Иногда, правда, сидя на травке Наблюдательного Холма, я боковым зрением замечал какое-нибудь странное авто необычной формы и цвета, но когда я смотрел на него в упор, я не видел ничего необычного в проезжающем мимо Жигуленке или Волге. Новая маскировка это, или просто иллюзия – на эту тему я больше не ломал себе голову.

А еще я обнаружил, что в этом месте мне становится жутко неуютно, особенно при приближении темноты. Это не было страхом в прямом смысле, но что-то такое витало вокруг, отчего мурашки бегают по спине. Какая-то необъяснимая сила словно предупреждала меня не соваться в чужие дела. И вскоре я внял этим убеждениям. Дорога, Наблюдательный Холм и Штаб на дереве остались в прошлом.

Лишь в 87-м, накануне нашего переезда, я предпринял последнюю прогулку, в память Костяна и нашего с ним детства. Мы получили квартиру в новой девятиэтажке на противоположном конце Белчевска, и хотя старый и новый дом отделяли лишь 40 минут общественного транспорта, я понимал, что вряд ли уже забреду в эти края. Я вышел пройтись и попрощаться со старым двором, школой, и... всем остальным. Уже в пути я вспомнил, что через два дня у Костяна день рождения. Пряча лицо и прибавляя басовитых ноток в голос, я купил в ларьке бутылку «Жигулевского» и, содрав для конспирации этикетку, отправился по местам, так сказать, боевой славы.

Был ясный солнечный день. Во дворах сохло белье, и из окон доносились голоса приторного Шатунова, кисло-сладкого Асмолова или явно горького, но завоевывающего все большую популярность Кинчева. Я прошелся по соседским дворам, где мы играли в футбол и гоняли на велосипедах, посидел на лавочке в парке, сделал почетный круг около притихшей до сентября школы, а потом...

Поднимая пыль старыми кедами («в них нога лучше гнется»), я спустился по тропинке к Федюхинскому шоссе, давя в себе тоскливо-тревожное сердцебиение, постоял рядом с обочиной, залез на наше дерево. Картонная крыша за две зимы окончательно разлезлась, обломанные в свое время для улучшения обзора ветки вновь отросли, но две доски нашего насеста были на месте. И вырезанные Костяном инициалы тоже деться никуда не могли.

Пиво было горьким и невкусным, я пробовал его второй раз в жизни, но мне не хотелось отмечать день рождения Кости лимонадом. Я плеснул немного на наши вырезанные инициалы и чокнулся с этим местом бутылкой. Я посидел, свесив ноги и качая ими как когда-то, на самой толстой ветке. Вспоминал. Разговаривал сам с собой, представляя, что рядом сидит мой друг. Захмелев, я отогнал неприятные ощущения тревоги, но к Дороге все равно не вышел.

Я просидел там почти час. За это время ни одна машина, мелькнувшая сквозь подростий зеленый заслон, не показалась мне странной и лишь когда я, уже поднявшись на холм, бросил прощальный взгляд вниз, я увидел нечто маленькое, обтекаемое, небесно-голубого цвета. С огромной скоростью это «нечто» промчалось по шоссе и исчезло за поворотом.

Я так и не понял, показался ли мне звук клаксона, разрезавший жаркий летний воздух.

На следующий день мы переехали.

Закончив уже другую школу, в 17 лет я уехал из Белчевска. Поступил в довольно-таки престижный ВУЗ на не очень престижную специальность «Станки и Инструменты». Потом был развал страны, почти бесполезный диплом, никчемная работа, жена, семья, новая работа, развод, еще одна работа, еще одна семья... В Белчевск, к родителям, я, конечно, приезжал. Вначале, будучи студентом, часто, потом реже и реже. Обычные дела. Жизнь.

Та прогулка с пивом оказалась последней. Больше я никогда не был в наших культовых, как теперь принято говорить, местах 85-го. Костян и Дорога навсегда остались в прошлом, а память о них стерлась, возможно, и не без посторонней помощи, как я уже упоминал вначале.

Минули годы. Я повзрослел. Шустро повзрослел, как иногда говаривала мама. Женился на втором курсе, а на пятом, готовя диплом, параллельно уже нянчился с сыном. Сказал бы мне кто про это в 85-м – не поверил бы.

Но детство и юность... Они остались в прошлом, исчезли за поворотом моей жизни, как те легендарные машины на Федюхинском шоссе.

Ни мигания фар, ни гудка клаксона на прощанье.

Жизнь. Вряд ли я могу сказать, что моя жизнь сложилась удачно.

Судите сами. У меня было два неудачных брака. Сын, явившийся плодом первого семейного союза, вряд ли даже знает о моем существовании – с его матерью мы расстались, когда ему едва исполнилось два года. Долго я не мог найти себе работу и прозябал где-то у черты бедности. Я так и не сумел обзавестись нормальной квартирой. У меня нет машины, нет дачи. И любви тоже нет. Вторая попытка стать семейным человеком это подтвердила. А еще я в свои тридцать восемь уже похоронил родителей. Вначале, в 2004-м, от нас ушел отец, а через некоторое время этот мир покинула и мама. Бабушка, к которой я ездил почти каждое лето, умерла еще в год моего поступления в институт (покопавшись в семейных записях, я обнаружил, что в нашем роду почти не было долгожителей).

Да, многих бед в жизни я, конечно, избежал. Меня никогда не грабили, меня не сбивала машина (наверное, потому что я всегда подсознательно старался держаться от быстрых железных коней подальше), я не лежал в больнице с тяжелым недугом, и за мной не охотились кредиторы. И желания мои были всегда легко осуществимы – свежая газета, мягкий диван перед телевизором, да изредка рюмочка и шахматная партия с заглянувшим на огонек соседом.

Те, кто рано взрослеет, старческие привычки обретают тоже рано.

Наверное, так живут многие. Ну, плюс-минус, конечно. Больше радости в жизни, а может и больше печалей. Извечная синусоида. Черное, белое...

Я, наконец, тоже заполучил свой кусочек удачи. Новая работа, хоть и заставившая пройти парочку подготовительных курсов и как следует освоить компьютер, приносит мне стабильный доход – возможно даже через пару лет я смогу подумать об улучшении жилищных условий. Раны на сердце затянулись, но дальше одноразовых свиданий я пока идти не готов.

Все кажется хорошо. Вот только какая-то серая тоскливая пустота уже давно поселилась в моей душе. Вакуум. Я ничего не могу с этим поделать. Наверное, мне не хватает забот отцовства. Или какого-нибудь увлекательного хобби. Или настоящего друга, с которым можно поговорить за жизнь и не держать в себе свою тоску.

Однако я никогда не озвучивал эти мысли.

Мой друг остался в прошлом, и я запер на ключ дверцу своих воспоминаний. Или кто-то помог мне это сделать. Не знаю, не спрашивайте.

Черт! А ведь я действительно никогда не вспоминал с тех пор по-настоящему наше лето. И Дорогу тоже...

Хотя... Однажды я окунулся в воспоминания о тех неповторимых днях, о Костяне и чужаках на Дороге. Окунулся очень удивительным образом. Это было лет шесть назад, когда я возвращался с похорон отца, не пережившего второй инфаркт. Тот год у меня выдался вообще неудачным. Сначала закрытие фирмы, где я работал, потом развод, и, наконец, трагическая весть про папу.

Бродя перед отъездом по дому, где оставалась разом состарившаяся мать, я решил взять что-нибудь почитать в дорогу, чтобы заглушить черные тоскливые мысли, кружащиеся в голове, словно стервятники. Мой взгляд упал на потрепанную книгу, лежащую на тумбочке, рядом с кроватью отца. Это был сборник рассказов Стивена Кинга в мягкой обложке. Задумчиво перелистывая страницы, я побрел на кухню к матери, собирающей мне, как мы когда-то говорили «тормозок», из пирожков, оставшихся после поминок. Я показал ей книгу.

– Не знал, что папа читал ужастики.

– В последнее время он читал все подряд, будто хотел начитаться перед смертью, или найти там что-то важное, но на том свете... – не договорив, она заплакала и уткнулась в мое плечо.

Я взял книгу с собой.

Плацкартный вагон был почти пуст. Вокруг меня на обозримом расстоянии расположились пожилая пара, деревенского вида мужичонка, обложившийся кучей каких-то коробок и двое молодых, лет девятнадцати, пацанов с рюкзаками и переносным магнитофоном.

Мне не было ни до кого дела. Некоторое время я бессмысленно взирал на унылые ноябрьские поля, проплывающие за окном, потом полез в карман дорожной сумки за книжкой.

Мне предстояло убить невероятно тяжелые в психологическом плане шесть часов езды.

Прочитав в поезде первый достаточно скучный рассказ, я залез в оглавление. Оригинальностью в пределах жанра названия не блистали, и я выбрал «Короткие дороги миссис Тодд». До сих пор не знаю, был ли мой выбор по-настоящему случайным. И, если размышлять глубже, случайно ли вообще была оставлена на прикроватной тумбочке сама книга? Может быть, это просто совпадение? А, может, и нет. Кто знает?..

Тридцать страниц. История про женщину, которая любила везде находить короткие дороги. Со временем она начала находить их уже где-то под тканью реальности, в другом измерении, где живут странные существа и растут странные деревья.

А коренным обитателям тех иных краев, – неожиданно подумалось мне, – наверное, кажется очень странным старенький двухместный «Мерседес» Офелии Тодд.

Полагаю, двум двенадцатилетним пацанам, сидящим на холме, он тоже показался бы странным.

Мда... Вот только воспоминаний о Костяне после папы мне и не хватало... Хотя... Я вдруг понял, что их действительно не хватало. Все эти годы.

На душе стало мерзко до тошноты. Захотелось покинуть в единый миг брненное тело и воспарить ввысь, туда, где меня не настигнут никакие проблемы, где лишь покой, свет, и радость свободы. Захотелось сбежать от реальности, от смерти отца, гроб с которым был опущен вчера в подмерзшую землю, от муторных поисков новой работы и вынужденного общения с бывшей женой, теперь уже совершенно чужим человеком, от подорожавшей квартплаты, от грядущей зимы. Сбежать... Как?

Костян нашел путь...

Грязный вагон громыхающего поезда, все дальше уносящего меня от города моего детства стал давить на меня замкнутым пространством, но я устоял. Я вперил свой взгляд за окно, где проплывали присыпанные инеем луга.

«Гуси-гуси, га-га-га, унесите на луга», – неожиданно вспомнилось мне. Это было тоже откуда-то из прошлого, тоже связанное с бегством. Из какой-то книжки, что ли. Что-то смутное, невообразимо далекое. Затерянное во времени и пространстве.

Или *пространствах*.

Я уткнулся лбом в холодное мутное стекло и понял, что больше не могу.

Выдержать эту пытку временем я мог только одним способом.

Я забрался на полку, лег и закрыл глаза.

Поначалу тоскливые мысли назойливо вертелись в голове, не давая уснуть, но ритмичный перестук колес и негромкая музыка из магнитофона пацанов сделала свое дело. Я стал проваливаться в сон, вязнуть в сумрачном киселе небытия. На полпути разума в это блаженное состояние я услышал песню. Она не была медленной, она не была веселой. И доброй ее назвать было тоже трудно. Единственное, что мог определить мой уставший рассудок, это то, что она была *уместной*, вот и все.

Динамик магнитофона был чуть хриловат, да и конструкции вагона экранировали звук, но есть на свете песни, в которых главное не идеальный звук, а смысл. Смысл – вот главное!

Сквозь подступающий сон я ловил слова, и они точными пулями били в мою душу. Было больно, но это была другая боль. Эту можно и нужно было терпеть, как горечь лекарства.

Как возмездие.

Время назад.

Все разделилось вокруг на чужое и наше

Бросив на разные чаши

«Против» и «за»...

Кажется, это был «Сплин». После периода студенчества я давно уже перестал быть меломаном, но многие имена мог распознать и сейчас.

Даже сквозь сон.

Это все, что мы сделали здесь друг для друга,

Все пытаюсь уйти навсегда из проклятого круга...

Даже не знаю, дослушал ли я песню до конца, или уснул раньше...

Сон, однако, не был долог. Через полчаса я открыл глаза, как-то разом, без всяких переходных процессов, перескочив от объятий Морфея к тягучей реальности, и прежняя боль и тоска вновь как голодные крысы ринулись ко мне. Хотелось выпить, и я пожалел, что отказался дома от предлагаемой мне в дорогу мамой последней бутылки клюквенной настойки, которую готовил отец. Сам он в последние месяцы позволял себе грамм пятьдесят, и то очень редко, но настойку продолжал делать. Хорошую настойку. Помню, как приезжал домой студентом и мы с ним...

...Время назад...

Нет. Не надо. Прогулка в вагон-ресторан не входила в мои планы, и я решил промочить губы чаем из термоса. Горячее вместо горячительного.

Я открыл сумку и... обнаружил сбоку предмет утренних препирательств. Значит, мама все-таки положила ее туда.

Я извлек из недр дорожной сумки бутылку с клюквенной настойкой и поставил ее на стол. Чистая, прозрачная, с чуть заметной розовинкой. В том, что пить одному не хотелось, я нашел обнадеживающий фактор. Значит, я еще не сломлен до конца.

Я огляделся, и взгляд мой почему-то задержался на пацанах с магнитофоном. Монстр на пайте одного и пара сережек в ухе второго меня не смутили. А уж тяжелые ботинки и кожаные куртки вообще ни о чем не говорили.

Соорудив «полянку», мы на троих приговорили бутылочку без лишних слов. Настойка была оценена по достоинству. Пацаны были нормальные. Один был студент, второй... не помню. Ехали они к другу в армию, что ли. С расспросами ни я к ним, ни они ко мне не приставали. Сообщили лишь то, что считали нужным. Про отца я вообще не сказал. Лишь на третьей рюмке тихо произнес «За тех, кого нет с нами» и мы выпили не чокаясь.

Опьянел я быстро – сказалось полное отсутствие аппетита утром. Тепло разлилось внутри, немного оттаяло на душе, к миру добавились пусть неяркие, но краски. Я откинулся на стенку и попросил:

– А поставьте еще раз эту... «Время назад».

Когда песня зазвучала, это и произошло.

Первые аккорды мощным напором захлестнули меня, и я покорно закрыл глаза. Следом пришли слова. А вместе с ними и воспоминания. Много и ошеломляюще четкие. Картинки замелькали в сознании калейдоскопом, но в том, что скользило перед моим мысленным взором, была своя система, завязанная на звучащем тексте.

Видеоклип в голове. Вот единственный подходящий термин для того, что я переживал. Видеоклип из воспоминаний. Привет из прошлого. И что самое интересное – я видел все со стороны, словно был бесплотным духом, волшебным образом преодолевшим годы и расстояния.

Время назад.

Все разделилось вокруг на чужое и наше

Бросив на разные чаши

«Против» и «за»

С этого все началось. Недавно растаявший снег. Наблюдательный холм. И двое мальчишек, высматривающие чужие машины среди обычных родных легковушек.

В календаре преднамеренно спутались числа

В том, что все это случилось

Я не со зла

Автомобиль с доской для серфинга на крыше.

Ярко-синяя тачка с пробитым колесом и музыкой «Prodigy».

Прочие анахронизмы.

И мы, о чем-то усердно спорящие в весенних травах.

Карты легли на такую наклонную плоскость,

Что мне удержаться непросто

На тормозах.

С высоты птичьего полета, я видел, как мы удирали с Костяном от Батоновской компании, а потом почти такой же путь совершает моя ставшая чужой фигурка на велосипеде. Стремительный спуск. Пальцы, вцепившиеся в руль и развевающиеся на ветру вихры – неведомая камера словно взяла крупный план. Видеть себя такого, еще совсем юного, со стороны было необычно и очень даже не по себе.

*Это все, что мы сделали здесь друг для друга
Все пытаюсь уйти навсегда из проклятого круга
Мне кажется я рад...*

Передо мной наши свежесрезанные инициалы на дереве. Костя старательно орудуя ножом, ставит последнюю точку. В следующий миг он уже исчезает, и объявляюсь я. Пиво, шипя, сбегает по стволу. В заглубивших канавках – пена. Между секундными кадрами пропасть в два года.

*Крутится ось.
Шар неподвижно висит на просторах вселенной
Весь перевязанный лентой
Вместе и врозь*

Машины, машины. Увиденные нами в том далеком году чужаки во всем своем великолепии и многообразии в единый миг пронеслись передо мной, словно кадры из чужеземного автомобильного альманаха, стократно ускоренные. В конце кадры начали немного замедляться, я успел узнать в промелькнувшем ярко-синем теле автомобиль, проколовший колесо, и тот легендарный белый пикап. Последним в этом калейдоскопе был черный миротворец, расшевеливший в груди давно забытый страх.

*Люди стремятся попасть в вожделенную вену
Большое спасибо Рентгену
Видно насквозь*

Больница и я рядом с бледным Максом, у которого перебинтована голова. Я, такой съездившийся и перепуганный...

*Как кто-то летает кругами над детской площадкой
Весь начиненный взрывчаткой
Жить сорвалось*

Вспышка от рванувшего у точки переправки «крейсера» была гораздо красивее, чем я ее помнил. Или так решил таинственный режиссер моего видения. В любом случае, я уже ничему не удивлялся.

*Это все, что мы сделали здесь друг для друга
Все пытаюсь уйти навсегда из проклятого круга
Мне кажется я рад...*

Калейдоскоп доброго и памятного...
Самолетик в небе, выписывающий пируэты.
Мой подарок Костяну на день рождения и сладости, уплетаемые нами под газировку в парке.

Луна над костром в сумерках и руки, чумазые от печеной картошки.

*Все это ложь
Что-то случилось, но нам ничего не сказали
Женщину в зрительном зале
Бросило в дрожь*

Калейдоскоп тревог и печалей...
Стеклянный взгляд Кости после попытки заглянуть за Барьер.
Мой измученный бег к Дороге, когда я узнал о пропаже друга.

Вопросы вьедливого милиционера и кадр, который я своими глазами никогда не видел, но такой очевидный – мать Кости, плачущая у окна.

*Книга открыта на самой последней странице
Сколько все это продлится
Целый день дождь*

В читальном зале я увидел себя со спины – наклонившимся над почти прочитанной книгой и украдкой вытирающим глаза. А потом – крупный план – и мои слезинки смешались с дождем, в который я шагнул напрямиком из библиотеки.

*В воздухе тают осколки разбитой посуды
Тянутся долго и долго секунды
Тянутся долго и долго секунды
Тянутся долго секунды...*

На моих глазах клочки бумаги, бывшие запиской Костяна улетели в ночь, но не исчезли, а как-то видоизменившись, закружились в отдалении. Их вдруг стало почему-то много. Очень много. И вдруг до меня дошло, что ветер гоняет сотни листков календарей, устаревших отрывных календарей, которыми уже почти никто и не пользуется. Усыпляющий и завораживающий танец времени. А потом...

...Ты меня ждешь!

Как обухом по голове, как ножом по сердцу...

Я вынырнул из зыбких объятий странного затейливого видения в холодную реальность вагона со странным ощущением, что эта песня – не просто песня, а особое мне послание то ли от Костяна, то ли откуда-то из чужих миров.

Ты меня ждешь...

Эх, приятель, я, может быть, и пришел бы к тебе, но кто укажет мне путь? Обычных путей в прошлое нет, а Дороги... Они не для меня.

*Это все, что мы сделали здесь друг для друга
Все пытаюсь уйти навсегда из проклятого круга
Мне кажется я рад...*

В пластиковом стаканчике дрожали от вибрации поезда остатки наливки.
Не раздумывая, я опрокинул жидкость в себя.

А вечер по приезду я провел за самым невероятным занятием для прирожденного атеиста.
Я молился.

Да, это все. Всего одно настоящее воспоминание за 20 с чем-то лет. Много это или мало?
Я думаю, вы и сами знаете ответ.

Но почему же, если эта история давным-давно позабыта, я вдруг вспомнил ее сейчас?

Вчера по электронной почте мне пришло письмо. У него был очень необычный адрес, а в самом письме было всего восемь символов, но я вспомнил их. «Wenys206». Именно таков был номерной знак пикапа, что проезжал каждый четверг ровно в полдень по нашему шоссе. Меня словно ударило током, и этот электрический заряд запустил нужные механизмы в моей голове. Воспоминания вернулись.

Находясь в каком-то невероятном вздыбленном состоянии, я написал ответ на этот странный адрес. Я попросил откликнуться кого бы то ни было. Я жаждал узнать хоть что-нибудь об исчезнувшем четверть века назад друге. Но через несколько минут после отправки мой сервер, заявив о неправильном адресе, вернул мне письмо. В принципе я не удивился. Адресов, в которых находятся сразу две «собаки» не существует.

Я повторил запросы, пробуя разные варианты этого загадочного электронного адреса, но все они возвращались одно за другим.

Настроив почтовик, на оповещение по входящим, я двое суток ждал новых весточек, дергаясь на каждую рассылку и какие-то чужие, «не те» письма. Ответа не было.

Низкие пепельные тучи уныло ползли по холодному октябрьскому небу, уже почти потемневшему, когда я пошел пройтись после трехдневных ожиданий нового письма и мук вернувшейся памяти. Город был еще полон обычной для середины недели вечерней суеты, когда люди, пройдя сквозь испытания переполненным общественным транспортом и автомобильными пробками, возвращаются в свои дома, к своим семьям. Дворы поглощали темные торопливые силуэты. Дома вспыхивали маленькими квадратиками окон. Неизменная за много лет схема. Лишь разговоры по мобильным, в которых звучали указания что-то купить, и называлось предполагаемое время прибытия, отличало бы этот вечер от такого же десятилетней или пятнадцатилетней давности. Ну и еще кое-какие мелочи, пожалуй. Сияние реклам, маленькие шустрые маршрутки, пришедшие на смену чадящим неповоротливым Икарусам и ЛАЗам. Чуть более модные машины на улицах. А так...

Я застегнул наглухо куртку, спасая шею от холодного ветра, шныряющего в подворотнях и добавляющего работы дворникам сорванными листьями. Скороспелая в последнее время осень. В Белчевске, помнится, деревья в своих красно-желтых нарядах стояли до самого ноября. И велосипеды на зимнее хранение мы затаскивали не раньше праздника, о котором уже мало кто помнит – Великой Октябрьской Социалистической Революции. Наверное, просто так осталось в памяти, хотя Белчевск вообще-то на 300 километров южнее...

Ну, вот. Опять Белчевск. Не отпускает он меня...

Теоретически я могу туда вернуться – квартира мамы не продана и по завещанию числится за мной. Правда, она сдана за полцены каким-то хорошим знакомым, не в этом дело. Причина в том, что мне нет смысла туда возвращаться. Там (впрочем, как и здесь) у меня никого не осталось. А искать утешение в воспоминаниях и ворошить золу памяти... Нет уж! В последние дни я только этим и занимаюсь. Вчера дело дошло до разглядывания семейного альбома, который я привез когда-то со старой квартиры. Я заглянул в него первый раз за все месяцы, прошедшие с того момента, как картонная коробка с фамильными реликвиями поселилась у меня в кладовке.

Толстый старый альбом с темно-зеленой потертой обложкой. Представляю, как любила мама, положив его на колени и одев на нос тяжелые, вечно сползающие очки, неспешно перелистывать страницы и в очередной раз разглядывать пожелтевшие прямоугольники с остановленными мгновениями. Альбом вместил в себя целую эпоху от молодости моих родителей до моих двух свадеб, немногочисленные фото с которых, не поместившиеся на страницах, были в конвертиках сложены в самом конце.

Потягивая изрядно выдохшееся пиво, я долго путешествовал «на волнах памяти», вновь проживая свою и чужие жизни через снимки, вначале черно-белые, ближе к концу цветные. Я впитывал дух семидесятых, восьмидесятых, потом девяностых – все, что излучали аккуратно подписанные маминым почерком экспонаты фотомузея.

На своем детстве я задержался.

Семейное фото. Бабушка, дедушка, мама, папа, я. Дедушку я почти не помнил – он был шофером и погиб, когда мне еще не было пяти. В деревне у бабушки. Речка, плохая нерезкая фотка, где я в черных трусах позирую с огромной отцовской удочкой. Трехколесный велосипед и я в кепке, улыбающийся. Рядом мама. Какой-то праздник – у меня в руках красный флажок. Тетя Инга из Риги, единственная родственница, в начале 90-х с ней потерялась всякая связь. Первый класс. Торжественная линейка. Прием в пионеры (первая цветная). Субботник, мы с вениками сгоняем в кучи опавшую листву. Какой-то утренник. Новогодний маскарад. Папа с новой удочкой, которая очень скоро переключается в мою собственность. Первомайская демонстрация. Салют на день Победы. Папа с коренастым мужичком и я в парке на аттракционах. Мужичок – папин армейский друг с Донбасса. Через десять лет, когда я буду уже в институте, родителям придется на некоторое время приютить его с семьей, сбежавших из умирающего после закрытия шахты поселка. Непредсказуемость жизни, помноженная на безразличие властей. Они подались потом куда-то за Урал...

Несколько фоток, сделанных на простенькую «Смену» Мишкой Семиченко. Снежная баба с руками-ветками, футбол во дворе, воздушный змей в парке. Хоть и размытый, но суперкадр, предмет ребячей гордости – я на велике прыгаю с трамплина. В дворовых рассказах фигурировал метр высоты, но на снимке колеса от асфальта отделяют не более тридцати сантиметров. Не важно, и для тридцати сантиметров порой нужна незаурядная смелость.

Выпускные коллективные фото – все кроме четвертого класса, когда я болел. На фотке по поводу окончания 6-го класса в верхнем ряду рядом с собой я нашел темноволосого, скорчившего зубастую ухмылку Костю.

Я вздохнул. В 7-й он уже не перешел...

На полном автомате вместе с другими пешеходами я пересек людный проспект. Ноги сами несли меня. В памяти смутно отложилась лишь какая-то дымка, а может и выхлопные газы, клубящиеся в свете фар остановившихся перед «зеброй» машин. А потом шумный проспект остался позади и понуро бредущего мужчину, погруженного в свои мысли, приняла тихая улочка с редкими фонарями и дрожащими тенями на стенах домов.

Наша жизнь, вот о чем я думал. Жестокая, несправедливая, бессмысленная. Носящая порой оттенок незавершенности и нелепости. Живем вот так, трудимся, любим, мечтаем, а приходит время – и все кончается деревянным ящиком или горсткой пепла. А после никто и не вспомнит, что ты жил на свете. Ну, может, поначалу крупинки памяти будут перекачивать ладони родных и близких пока не завершится их собственный путь, либо все просто канет в пучину забвения.

Причем годы мчатся так стремительно, приближая эту последнюю черту...

Еще вчера, казалось бы, пылала всеми красками юность, строились грандиозные планы, и вот – не успел оглянуться, а большая часть жизни уже прожита, планы остались где-то валяться на полу хижины, так и не ставшей дворцом. Конечно, в любом возрасте можно подбодрить себя, мол, все только начинается, как любил повторять когда-то парнишка в популярной телепередаче, но все это ложь и скалы над безвестным ущельем, где он нашел свою погибель, подтвердили бы этот факт.

Но парнишка этот хотя бы оставил след о себе своими фильмами и программами, а тебе, Алексею Николаеву, чем гордиться?

Тем, что когда-то видел машины из другого измерения?

Мнимая заслуга, однако.

Но кто сказал, что оставляющим след после себя в виде пары строк в какой-нибудь энциклопедии легче примириться с неизбежным? Что, восьмидесятилетний профессор с кучей научных степеней и множеством учеников сходит в могилу легче, чем простой неприметный плотник?

Мда, как-то не так нужно подходить к вопросу смысла жизни. Не так.

А лучше вообще его не касаться. Жить настоящим и в этом находить значение бытия. Жить ярко, насыщено, счастливо, получая от существования удовольствие и удовлетворение. Один раз ведь живем! Вот только у подавляющего большинства живущих на этом свете так не получится. Их жизнь скучна и бесцветна. Дом, семья, работа, постоянная нехватка денег. Порочный круг, порвать который невозможно. А самое обидное, когда уже отдаешь государству и обществу все, что смог, в ответ получаешь нищенское прозябание, как отличительный знак нашей страны. Вот уже столько лет прошло, а в этом плане ничего не изменилось. Нет, никогда нашим старикам не стать похожими на западных пенсионеров, в шортах и с видеорекамерой разъезжающих по миру.

Нет, есть, конечно, исключения, но с моим ли везением на это рассчитывать?

Придавленный тяжелой пятой философских раздумий, я нырнул в неприметный проулок, миновал двор, заполненный сладким запахом тлеющей листвы, и очутился в крошечном забытом дворниками сквере, одной стороной примыкающем к небольшой одетой в бетон речушке. Я остановился у вычурных перил под тусклым светом единственного фонаря и смотрел, как призрачно поблескивающая вода бежит из темноты во тьму.

Все реки впадают в море. Так, по крайней мере, считалось в детстве. И бумажные кораблики малышкой отправлялись именно в расчете на этот факт. Хм, это конечно уже за

гранью возможностей памяти, но с Костяном мы, кажется, познакомились именно пуская по весенним ручьям кораблики (только не бумажные, а из пенопласта). В каком году это было, я уже не вспомню, но были мы еще совсем маленькими.

Много с тех пор воды утекло.

Речка, бегущая вниз, своим компетентным журчанием заявила, что подпишется под этими словами.

Я постоял еще немного, провожая взглядом листья и мусор, иногда проплывающий мимо. Надеяться на встречу с корабликом из чьего-то детства было нереально, я это знал.

А с Костей?

«Тем более» – хотел ответить я вслух самому себе, но промолчал. Словно кто-то стоящий за моей спиной положил мне руку на плечо, подсказывая этим жестом, что о таком не говорят вслух, пока есть надежда.

«Хм... Надежда... – Я фыркнул. – Надежда в виде пяти букв и трех цифр в письме, которое наверняка является чьим-то глупым розыгрышем?».

«Но ведь кроме вас двоих про «Wenys206» никто не знал».

Неведомый собеседник на какой-то миг показался мне совершенно реальным, так что я даже оглянулся, но рядом никого не было. Только ветви, раскачиваясь от ветра, играли тенями на влажной плитке сквера среди смятых сигаретных пачек и сверкающих осколков стекла.

«Да, про это никто не знал. Наверное».

«Вот видишь...»

Незаконченную фразу завершил едва слышный отголосок удаляющихся шагов. А, может быть, мне это просто померещилось.

Оставив позади неутомимую реку, я покинул сквер и, вернувшись к прямоугольным силуэтам жилых домов, зашагал дальше под аккомпанемент комариного жужжания уличных фонарей и завываний ветра. Бездомный кот проводил меня взглядом с пьедестала мусорного бака и исчез.

Интересно, если бы не Дорога, если бы Костя не решился отправиться по ней в неизвестность, что бы стало со временем с нашей дружбой? Все завершилось бы с моим переездом на новую квартиру, или это случилось бы позже, после поступления в ВУЗ? Мне, конечно, хотелось бы верить, что наши приятельские отношения сохранились бы, даже не смотря на годы и расстояния, но к чему тешить себя надеждой? Примеры настоящей дружбы редки, ни к чему льстить себе. В институте у нас была неплохая компания, но прошло совсем немного времени, и мы забыли друг друга. Сначала сошли на нет встречи, потом и телефонные звонки стали раздаваться реже и реже. Мы обзавелись семьями, наши профессиональные дороги разбежались в самых разных направлениях, жизнь закрутила, замотала... И все-таки основная причина видимо все же заключалась в том, что не было у нас внутри тех магнетиков, что тянутся друг к другу.

А вот у нас с Костей они вполне могли оказаться.

Фантазии открыть на пару собственное дело можно отбросить. Это уж слишком круто и нереально. Да и не в те времена, конечно. Но остальное... Я представил эти маленькие радости – пиво по выходным, поход на футбол, рыбалка (о, сколько же я не брал в руки удочку!?), и мне стало безумно тоскливо от одиночества, которое давно уже поселилось не только в моем доме, но и моей душе. Сердце печально защемило. Как же это здорово, когда есть возможность посидеть со старым другом, вспомнить за рюмочкой былое, поплакаться за жизнь. Мне всегда этого не хватало. Не хватало, когда я был женат, и семейные отношения мои совершенно не клеились, когда я сидел на мели и не мог найти нормальную работу, когда родительские похороны словно тяжелой палицей выбивали из седла. Нет, были, конечно, какие-то приятели и приятельницы – человек не может прожить в миллионном городе, не заводя совсем никаких знакомств, но настоящей дружбы, крепких добрых отношений, не сложилось ни с кем, в том числе и с женами. Не исключено, что и по моей вине, не знаю.

А жены – это вообще отдельная история. С Ленкой мы, молодые да глупые, на первом году семейной жизни просто непримиримо уперлись лбами и маленькая трещинка, пробежавшая между нами, превратилась в пропасть, берега которой не смог бы соединить никакой мост. Мы и не стали его строить, зная, что это бесполезно. Стоило бы попробовать, наверное, из-за сына хотя бы, но... Упрямая она была. И обидчивая. Да и я на компромиссы идти научился уже позже.

Что ж, сделанного не воротишь. В одну реку не войти дважды.

С Вероникой мы прожили неплохие три года, пока я не начал замечать ее странных задержек на работе, неурочных визитов к подругам и тому подобной ерунды. Некоторое время я старался не давать воли своим подозрениям, но после использованного презерватива, вывалившегося из мусорного ведра и глумливо повисшего на стенке лючка мусоропровода, никаких сомнений, понятное дело, и быть не могло. Хотя бы потому, что из-за проблем на работе я совсем позабыл в те дни, что такое секс. И вообще – это произошло в нашем с ней доме! Выяснение отношений было бурным. Припертая к стенке, Вероника во всем призналась, но умоляла простить ее, соблазненную из ниоткуда взявшимся старым знакомым, с которым у них когда-то что-то было. Она обещала впредь хранить верность и никогда больше не повторять былых ошибок. Чуть больше полугода склеенная ваза наших отношений кое-как держалась, а потом... Собранные, пока меня не было дома, вещички и записка про то, что она встретила мужчину своей мечты, а наш брак, ясен пень, был ошибкой. Конвертик из суда, в котором находилось уведомление о предстоящем разводе, я получил через две недели.

Может быть, я не удержался в избавляющейся от второстепенных работников фирме именно по причине накрывшего меня шока и депресняка. Бороться за должность, плести вокруг себя интриги, лизать зад директору – это было не для меня, тем более в том состоянии. Считаю, что ничего не потерял – став банкротом, фирма через десять месяцев закрылась, а против руководящей верхушки были возбуждены уголовные дела.

А вот легкость общения с женщинами, которая, как мне кажется, была мне присуща, с тех пор куда-то пропала.

Пьяные голоса впереди по курсу вывели меня из состояния задумчивости. Встретаться с веселящейся компанией не было никакого желания. Уровень правопорядка в последние годы несколько вырос, но основное правило шествующего по темным улицам все равно должно заключаться в том, чтобы обходить неприятности десятой дорогой. Разумеется, те, которые можно обойти.

Я свернул в переулок, прошел под аркой и через пять минут оказался снова в плену гудящего проспекта и суетливо спешащих людей. Слева в отдалении затихал, заканчивая свою работу, рынок. Справа, за стоянкой такси, возвышались подсвеченные шпили здания вокзала.

Вновь напомнил о себе ветер, невидимым кулаком резко ударив в грудь и бросив в лицо пригоршню какой-то водяной пыли. Я тут же ощутил, что замерз, несмотря на теплый свитер под курткой. Мелькнула мысль, что сейчас было бы неплохо погреться. Погреться, посидеть, выпить чашечку кофе. Отдохнуть от мрака и всех этих шальных мыслей.

А может быть, еще глубже в них погрязнуть.

Решение было принято быстро. Мне показалось даже, что озябший организм сам дал команду ногам. Я пошагал в сторону здания вокзала.

Внутри было на порядок менеелюдно, чем днем, но все-таки достаточно шумно и суетливо. Часы над синим табло с расписанием движения показывали 20:40. Еще пара поездов до полуночи, подумалось мне, или убывает или прибывает, а, может, останавливается проездом. Когда-то я хорошо знал всю эту вокзальную «кухню» – будучи студентом, я старался регулярно вырываться домой (получалось, правда, далеко не всегда). С тех пор, конечно, многое изменилось, но суть вокзала, суть всех вокзалов неизменна.

Я прошествовал через полупустой зал ожидания, обошел курган из ярких рюкзаков каких-то нехарактерно шумных спортсменов, бросил взгляд на пристроившегося у стенки патлатого мужичка с гитарой, наигрывающего заунывный блюз, и направился к кафе. Там я занял столик у выхода под настенным плоским экраном, на котором крутилась реклама, и заказал молоденькой официантке с новомодной цветной татуировкой на шее большой черный кофе с тремя ложками сахара.

Может, суть многих явлений и вещей и неизменна, но оболочка их очень даже изменчива. Так, к примеру, после темных проулков, где время совершенно не чувствовалось, внутри вокзала дыхание нового века проявлялось во множестве больших и мелких деталей. Я бросил ненавязчивый взгляд по сторонам. За соседним столиком лысоватый отец семейства параллельно с потреблением хот-дога что-то набирал на карманном коммуникаторе. У стойки бара, крутя в

рука соломинку, заболталась по мобильному средних лет дама с неповторимо окрашенными в три цвета волосами. Через дверной проем мне были видны пара банкоматов в углу, кофейный автомат, и ряд совсем недавно установленных кабинок видеотелефонов. Мимо кафе проществовал подросток, что-то настраивая в своем плеере размером с половинку авторучки.

А ведь когда-то пределом технического прогресса был программируемый калькулятор и радиоприемник на батарейках. Эх, годы, годы...

Принесенный кофе, несмотря на наличие сахара, был горьким, в унисон моему сегодняшнему настроению. Как же выбило из колеи меня это маленькое килобайтное письмо! Разворошило память, нагнало тоску, почти довело до депрессии... Я и раньше частенько задумывался о тщетности жизни, а сегодня так вообще...

Ну, что теперь делать? Кому жаловаться на жизнь? С кем разделить боль? Черт! Ни родных, ни друзей, ни любви! Почему все так сложилось!? Чем руководствуются на небесах, определяя такие судьбы как у меня? Или все-таки никакой предопределенности нет, и свою жизнь мы создаем сами? В таком случае как мне порвать этот порочный круг? Как!?

Черт, одни вопросы!

Плотный ком безысходности подкатил к горлу. Я попытался размочить его кофе, понимая, что это совершенно не тот напиток, что нужно. Водочки бы, или коньячку... Я уже направил было свой взгляд в сторону барной стойки, но вдруг услышал голос вокзального музыканта из зала ожидания, поющего какую-то старую песню на английском языке. Гитарная мелодия была откровенно примитивной. Это была даже не музыка, просто ритмичные удары по струнам, по крайней мере, поначалу, но зато голос... Легкий, с хрипотцой, отчетливо выговаривающий слова. Голос будто бы сам был музыкой. Грустной, щемящей, словно родом из страны моих унылых переживаний.

Торопливо расплатившись за кофе, я вышел из кафе.

When you climb into your bed tonight
When you lock and bolt the door
Just think of those out in the cold and dark
Cause there's not enough love to go round
And sympathy is all you need my friend
And sympathy is all you need
And sympathy is all you need my friend
Cause there's not enough love to go round
Not enough love to go round

Музыкант пел, слегка прикрыв глаза. Бледное освещение зала рисовало на его лице глубокие морщины. Разбросанные по плечам волосы вздрагивали при каждом ударе по струнам. Я стал поодаль, опустив руки в карманы. Насколько я мог судить, в этой песне пелось, что любви не хватает на всех, и что сочувствие – это все что тебе нужно.

Все, что тебе нужно, мой друг.

Послушать песню подошел еще кто-то. В гитарный футляр полетела мелочь. Я тоже расстался с парой монет, слушая повторяющееся «all you need». Чем-то была сильна эта песня. Ритм и такой близкий сердцу смысл, сумевший пережить годы, обнимали и успокаивали.

А еще (это ощущение длилось мгновенье, но я успел его ухватить) они внушали оптимизм.

Краем глаза я заметил, как сбоку на информационном табло зажглась новая надпись, и еще даже не успев повернуть в ту сторону голову, уже знал, какой рейс там объявлен.

Знал я так же и что следует делать.

Погода в Белчевске была и впрямь лучше. Не лето, конечно, но явно больше 10 градусов тепла. Солнце каталось по белоснежным спинам облаков, игриво пряталось за ними и возникало снова, одаривая землю своим теплым светом. Слабый ветер едва шевелил желто-красные наряды деревьев – время тотального листопада тут еще не настало. Влажная трава восторженно блестела

искорками росы. Забавлялись воробьи, прыгая по веткам рябины. В воздухе пахло задумчивой свежестью, яблоками и... родиной.

Я поправил на плече ремень дорожной сумки и, проигнорировав останавливающуюся в двух шагах маршрутку, неспешной походкой продолжил движение на запад.

Времени у меня было достаточно.

Поезд прибыл в Белчевск около шести утра. Часа полтора, пока восток не озарился ослепляющим пламенем рассвета, я просидел на вокзале, подавляя в себе всяческие сомнения по поводу правильности сделанного выбора и вспоминая вчерашнее сумасшествие, начавшееся с прогулки по вечернему городу и закончившееся на верхней полке стартующего в ночь поезда. Я пережил заново странный мистический диалог у реки, песню про недостаток любви и сочувствия, которую слушал чуть ли не со слезами на глазах, надпись на информационном табло, где в столбце прибытие меня заколдовала позиция «Белчевск. Четв. 5:55». Я вспомнил лихорадочную покупку билетов, вспомнил такси, которое отвезло меня к дому, дождалось пока я покидаю в сумку кое-какие вещи и насочиняю начальству по телефону про внезапно свалившуюся на меня хворь, а потом вернуло на вокзал за несколько минут до момента отправления.

Дальше вспоминать было нечего. Я уснул и без всяких сновидений проспал до того момента, когда меня настойчиво стала трясти заботливая рука проводника.

Просыпающийся город пестрел переменаами. Поначалу это выражалось не так явно – в восточном районе, где жили до недавнего времени родители, и центре я все-таки худо-бедно, но бывал во время своих эпизодических приездов, однако едва я выбрался за Пролетарский спуск, носящий теперь название Екатерининского, новости посыпались на меня, словно на человека, после многомесячного перерыва включившего телевизор. Столько лет, столько... Я шел, и воспоминания бурлили во мне, стремясь вылететь и приложиться к картинке реальности. И вылетали, прицениваясь и изумленно рассматривая настоящее.

Универсам, где мама покупала мне школьную форму (синяя ценилась гораздо выше, чем коричневая), рубашки и всякие там ручки и тетрадки, расстроился и превратился в солидный торговый центр, заляпанный вывесками. Площадка за ним, где продавали когда-то цветы (ах, какой ажиотаж там был по праздникам!) и иногда появлялись бабушки с семечками, превратилась в небольшой рынок, плотно заставленный однообразными кубиками ларьков. От летнего кинотеатра остался пустырь, на котором когда-то была начата стройка, но так и брошена на уровне первого этажа. Бетонные балки среди поблекших стеблей бурьяна возносились в небо маленькими обелисками человеческому непостоянству. Разумеется, не осталось и следа от железного вагончика тира. Единственная на весь район огромная клумба с розами, июньское цветение которых превращало неприметную улочку в какой-то райский уголок, уменьшилась в размерах за счет расширения дороги и была засажена чем-то невысоким и вечно-пыльно-зеленым. Железные клетки остановок практически везде сменились на «остановочные комплексы», неотъемлемым атрибутом которых был маленький продуктовый или вино-водочный павильончик с часто встречающейся забавной надписью «Минимаркет». Я перешел дорогу на зеленый сигнал современного светодиодного светофора, и по разноцветной тротуарной плитке, которую уже лет десять непонятно почему предпочитали асфальту, направился вдоль нашего проспектика, который теперь смело можно было назвать торгово-офисным.

Все первые этажи «хрущевок» и «брежневок» заселяли лавочки, магазинчики, конторки, забегаловки. У каждого своя лестница, крыльцо, вывеска. Такой процесс не был уникальным, я тысячу раз видел эти вылупляющиеся из старых квартир образцы современного дизайнера с белыми стеклопакетами, рекламой из самоклеющейся пленки, и евроотделкой внутри. Но вот на этой улице детства, которую я помнил в сиреневом цвете и усыпанную желтыми пятиугольниками кленовых листьев, они казались чем-то таким чужим, несуразным.

А кленов здесь почти не осталось...

В помещениях магазина электротоваров на первом этаже изогнутого пятиэтажного дома, на фронте которого когда-то адела надпись «Слава труду», теперь находился престижный магазин одежды. Открывать его на машине, которая была под стать тем супертачкам с Федюхинского (кажется, это был «Лексус»), приехал долговязый уголовного вида тип в темных очках и пижонском модном нынче пиджаке с асимметричным воротником. Его уже поджидали две размалеванные цыпочки, видимо, продавщицы.

Под аккомпанемент пиликанья отключаемой сигнализации я прошел мимо них и через минуту, свернул на перпендикулярную улицу, ведущую к старому двору. Первое, что бросилось в глаза – на ней больше не было тополей – тех, огромных, испещренных старинными, знакомыми до боли надписями вроде «Спартак-чемпион» или «Борька-козел», неугомонно шуршащих листьями в любую погоду. Словно в насмешку над почившими великанами, строгой шеренгой стоявшими вдоль дороги, теперь здесь росли липы и вишни. Напоминанием о прежних красавцах, подпирающих верхушкой небо, лишь кое-где служили полусгнившие пни. Я представил, как они постепенно сохнут, неумолимо, ветвь за ветвью. Их, умирающих, ломают бури, и вот уже городское начальство дает отмашку. «Пилить. Во избежание...»

Мне вспомнилось, как сказочно выглядел в лучах ночных фонарей летящий тополиный пух, будто посреди июньской жары вдруг пошел снег. И маленький мальчик, которым я был, попросил маму остановиться и широко распахнутыми глазами долго смотрел вместе с ней на это волшебство. Из кино мы возвращались, что ли...

Помещение гастронома, где мы с Костяном когда-то меняли пустую тару на пирожные, неожиданно оказалось поделенным (признаться, я опешил от неожиданности) между зоомагазином и секунд хэндом. Булочная и маленький продуктовый ларек, правда, имелись неподалеку, на углу там, где когда-то носатый дядя Рустам в деревянной будочке чинил поношенные ботинки.

С участвующимся пульсом я повернул в направлении нашего двора.

В окнах старой квартиры стояли новые окна. Не пластиковые стеклопакеты, ставшие нынче весьма популярными, а обычные деревянные рамы, покрашенные в синий цвет. На балконе сушились женские юбки и детские рубашки. Подоконники украшали цветы. Я вспомнил про самый красивый палисадник нашего двора, принадлежащий неутомимой бабе Даше, что жила в соседнем подъезде и обнаружил на памятном месте солидную пристройку с наростом кондиционера.

Никакими тюльпанами и незабудками, как когда-то, тут и не пахло.

Двадцать пять лет...

Находясь в каком-то неопишемом состоянии отрыва от реальности, я довольно долго предавался воспоминаниям среди света разгорающегося утра. Дворник в ярко-оранжевой жилетке искоса поглядел на меня и вновь принялся мести опавшую листву. Какая-то женщина средних лет, чье лицо показалось мне смутно знакомым, благодушно поинтересовалась, не открыть ли для меня железную дверь подъезда. Я лишь покачал головой. Тигровый от пятен грунтовки 600-й Мерседес, элитная когда-то машина, прогрохотала по прорехам в асфальте. На какой-то миг выглядело солнце. Но я этого не замечал. Мое сознание пребывало где-то там, в прошлом, и я ничего не мог с собой поделать.

Я гонял с пацанами мяч на площадке. Я брел в школу, усердно пиная опавшие листья. Я ел хлеб, посыпанный сахаром, на лестнице соседнего 16-го дома, когда во время дождя мы играли в карты. Я гонял на велике наперегонки с ветром и мусорной машиной, каждый вечер приезжавшей к нам во двор. Я вслушивался в полуночное бречание гитары старших ребят сидя на подоконнике распахнутого в летнюю мглу окна. Я слышал мамино «Леша-а! Домо-ой!». Я рубился в снежки, пока варежки не становились полностью мокрыми. Я дрался портфелями. Я стрелял из лука, спичкострела, рогатки, брызгалки. Я метал дротики и ножички.

А еще я дружил с мальчишкой по имени Костя Бронников, благодаря которому я сейчас здесь.

Со вздохом окинув прощальным взглядом страну моего детства, я отправился дальше.

Об автоматах с газировкой у входа в парк напоминал лишь растрескавшийся бетонный постаментик. Асфальт дорожек потрескался и пошел буграми благодаря корням растущих по бокам старых акаций и платанов. Значительно уменьшилось число лавочек. Давно пропали с газонов поливальные столбики. Разросшихся кустарников ножницы садовника не касались уже много лет. А весь парк, ранее казавшийся таким огромным, словно сжался до размеров нескольких аллей и полусотни деревьев. Да, так мы и вырастаем... Мысль о том, что, воспитывая я ребенка, у меня была бы возможность через него вновь ощутить громаду этого мира, больно кольнула сердце.

И покалывало, пока я шел неуверенной походкой к своей старой школе.

На территории школы все было весьма культурно. Покрашенные спортивные снаряды, подстриженные кусты, окопанные деревья. Даже проволочная ограда, на которой мы любили висеть вцепившись в крупные ромбики сетки, уцелела, хотя сетка, наверняка, не та, новая. В классах, довершая идиллию, горел свет. Уроки. Как когда-то. Странно, но время почти не оставило отпечатка на этом месте, за исключением маленькой стоянки мопедно-велосипедной техники у входа и разноцветных граффити на заднем дворе. Хотя, разве этого мало?

Но все равно, другие места, как я уже успел убедиться, годы пощадили гораздо меньше.

Мне больше не хотелось попусту беречь старые раны и я, по старой привычке срезав угол по неприметной тропке, направился к охраняющим Федюхинское шоссе холмам.

Картину, открывшуюся перед моим взором, вполне можно было назвать удручающей – окрестности нашей Дороги превратились в самую настоящую свалку. Коттеджи, что строились на месте Бессоновки и дальше, на подступах к Сырой балке, рождали солидный очаг мусорной напряженности, откуда легковесный хлам вроде целлофановых пакетов и бумаг разносился по округе. Противоположную сторону шоссе, теперь уже не кажущуюся неприступной и крутой, облюбовала шоферня, сваливающая строительный мусор. Слева же, где во все стороны разрастался многоступенчатый гаражный муравейник, дымила сырым белесым дымом свозимая со дворов листва вперемешку с выброшенным автомобильным барахлом. Было это в полусотне метров от места, где однажды мы пекли картошку и смотрели на полную луну.

Несколько минут я просто беззвучно взирал на весь этот ужас, пытаюсь смириться с незавидной участью, постигшей наши памятные места. Нет, я, конечно, не надеялся увидеть их в первозданном виде, но это...

Прокладывая путь среди упаковочной фольги, осколков стекла и мятых пластиковых бутылок, я направился вниз по склону. Вокруг было на удивление тихо и пустынно. Лишь в отдалении на строительстве гаражей, в сопровождении негромкого рева, сновала стрела автокрана, и изредка слышались обрывки голосов. А еще громко возмущались на своем птичьем языке с противоположной стороны вороны, наматывающие круги над безразмерной мусоркой.

Прежде чем отправиться вниз к шоссе, я взобрался на Наблюдательный Холм, выделив его из окружающего лишь эмпирическим путем, так как плоские камешки и маскировка из высокого кустарника давно канула в лету. Похоже, я угадал правильно – темно-серая лента Дороги с этой точки просматривалась от поворота до поворота. Рядом с одним из этих легендарных закруглений (того, что ближе к Сырой балке) мне показалась за деревьями синяя приземистая тень, которая тут же исчезла за скалой. Возможно, это что-то и значило, но тревожно застучавшее сердце я попытался усмирить как можно быстрее.

Хватит с меня переживаний.

Через минуту я уже шел вниз, приблизительно повторяя наш с Костяном путь, когда мы убегали от шайки Батона. К придорожным зарослям, которые важно нами звались лесополосой. К тому самому Федюхинскому шоссе. К Дороге.

Увы, это было уже совсем не то шоссе, что раньше. Основательно забытое и давно не ремонтируемое, оно потеряло часть своего покрытия. Обнажившаяся щебенка, ухабы и выбоины, размываемые дождями. Тест на живучесть, а не дорога. Вряд ли кто выберет сей путь без крайней нужды.

Может быть, это как раз на руку чужакам?

Сколько лет прошло, а я, кстати, так и не решил для себя – кто они были. Не инопланетяне и не шпионы (по крайней мере, шпионы в привычном понимании), это точно. Жители параллельных миров может быть, или путешественники во времени...

Возможно и то, и то. В той памятной книжке, кажется, это было фактически одно и то же.

В любом случае, Костян теперь уже знает наверняка.

Прислушиваясь, не возродится ли во мне тот прежний холодок страха, который почти всякий раз сопутствовал моим вылазкам к Дороге, я прошествовал мимо ржавеющего остова брошенной на обочине легковушки, пинком откинул со своего пути смятую консервную банку, и взял курс на финальную вешку своего путешествия.

Вот, пожалуй, и все. Я не буду рассказывать, что нашел в полусгнившем дупле давным-давно рухнувшего ореха – это слишком лично. Я не буду рассказывать о том, что понял, когда

присел у замшелого ствола и положил руку на наши стершиеся от времени инициалы – не думаю, что баланс миров в этих краях после сегодняшнего дня можно будет нарушить еще раз.

Я просто подведу черту.

Сейчас мои часы показывают без четверти двенадцать. Через пять минут я поднимусь, выйду к шоссе, и буду ждать, когда пикап белым призраком из моего, вернее, нашего с Костяном детства, появится из-за поворота.

Я уверен, что он появится.

Я этого хочу.

И тогда я, голосуя, подниму руку.

31.10.03